

WORLD OF WARCRAFT

ПЕРЕД БУРЕЙ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КРИСТИ ГОЛДЕН

Кристи Голден

World Of Warcraft: Перед бурей

Серия «World Of Warcraft»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39491744

Кристи Голден. World of Warcraft: Перед бурей: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112285-0

Аннотация

КОНЕЦ АЗЕРОТА БЛИЗОК.

Азерот умирает.

Общими силами Орда и Альянс одержали победу над демоническим Плавающим Легионом, но глубоко в недрах мира зреет небывалая катастрофа. Меч Саргераса смертельно ранил Азерот в самое сердце – таким было последнее злодеяние павшего титана.

У Андуина Ринна, короля Штормграда, и у Сильваны Ветрокрылой, вождя Орды и королевы Отрекшихся, почти нет времени ни на восстановление уцелевшего в страшной войне, ни на скорбь по утраченному. Из колоссальной раны, нанесенной Азероту, течет вверх таинственный минерал под названием азерит. В достойных руках странное золотистое вещество способно творить великие чудеса созидания, попав в несправедные руки – станет причиной немислимых разрушений.

Пока силы Орды и Альянса стремятся поскорее раскрыть тайны азерита и исцелить умирающий мир, Андуин приводит в действие отчаянный план с целью установить между Альянсом и Ордой прочный мир. Между тем азерит угрожает нарушить равновесие сил, и, чтобы добиться успеха, без доверия Сильваны Андуину не обойтись. Но у Темной Госпожи, как обычно, имеются свои темные замыслы.

Чтобы примирение стало возможным, необходимо покончить с давней кровопролитной враждой. Но есть на свете ряд истин, которые не желает принять ни одна из сторон, и амбиции, от которых никто не хочет отказываться. К тому же, Орда и Альянс осознают силу азерита, и затухший, но не угасший конфликт грозит перерасти в новую войну – войну, способную обречь на гибель весь Азерот.

Содержание

Пролог	11
Глава первая	15
Глава вторая	30
Глава третья	42
Глава четвертая	61
Глава пятая	71
Глава шестая	81
Глава седьмая	92
Глава восьмая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кристи Голден
World of Warcraft:
Перед бурей

Christie Golden

WORLD OF WARCRAFT: BEFORE THE STORM

Печатается с разрешения издательства Del Rey, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC, и литературного агентства Nova Litera.

Иллюстрация на переплете – *Бастьен Лекуф Деарм*

Copyright © 2018 by Blizzard Entertainment, Inc.

All Rights Reserved.

Warcraft, World of Warcraft, and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc.,

in the U.S. and/or other countries. All other trademark references herein

are the properties of their respective owners.

Бестселлер по версии NEW YORK TIMES! Новый официальный роман «Перед бурей» повествует о событиях, предшествующих сюжету «Битвы за Азерот» – очередного дополнения к высоко оцененной критиками многопользовательской ролевой игре World of Warcraft компании Blizzard Entertainment.

Бесспорно, лучший из романов по World of Warcraft, а я подобными словами просто так не разбрасываюсь... Это намного больше, чем обычный «сопутствующий продукт».

Прекрасная книга!

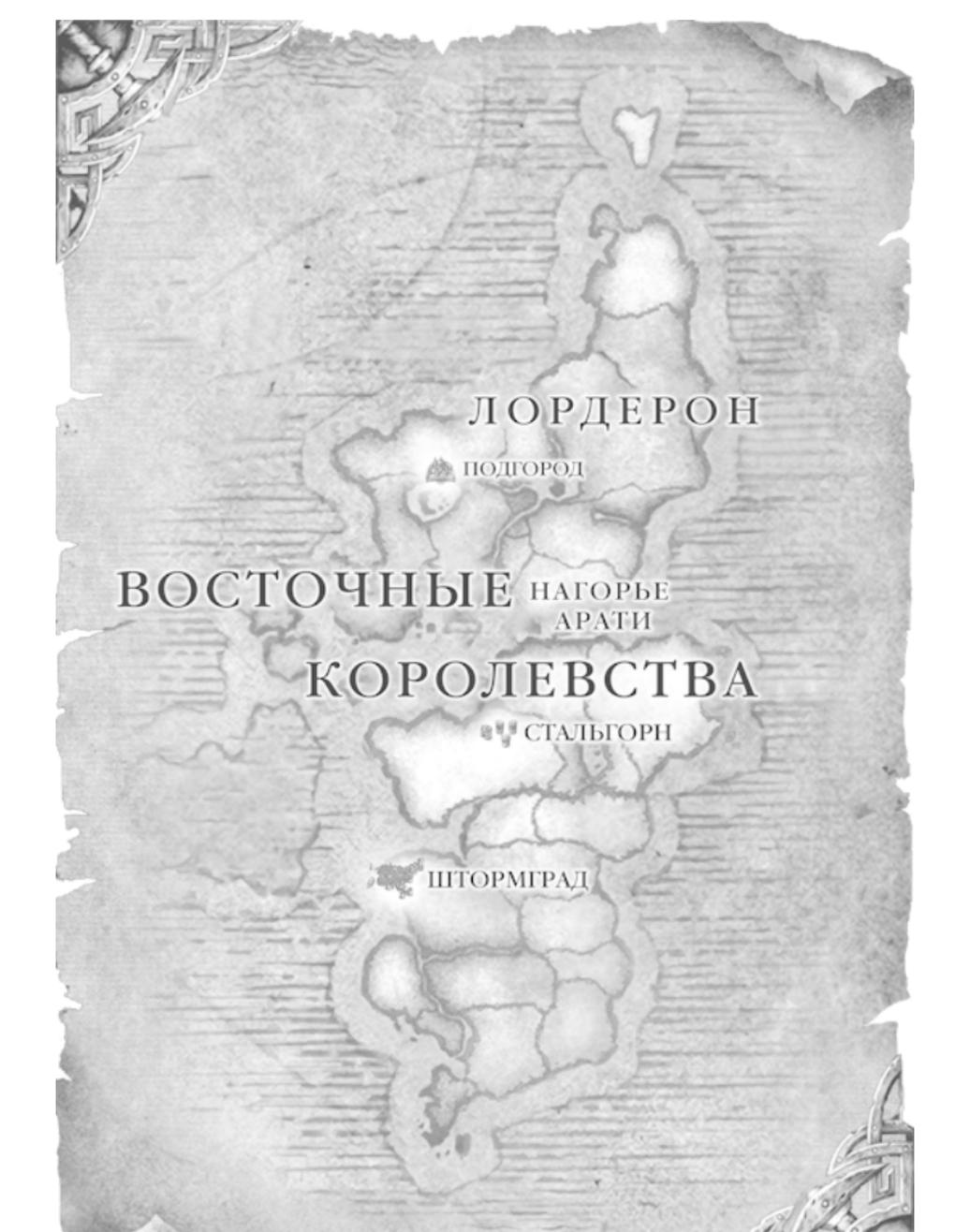
Blizzard Watch

Посвящается тем, кто работал над этой книгой и положил все силы на то, чтобы сделать ее как можно лучше.

*Тому Хоулеру, моему редактору из Del Rey,
Кейт Гэри, редактору из Blizzard, работающей совсем рядом со мной;*

Алексу Афрасиаби, творческому директору World of Warcraft.

Огромное вам спасибо за любовь к миру World of Warcraft и его персонажам, за внимание к мельчайшим деталям и общей картине, за, что проделали этот путь вместе со мной, и за неуклонное стремление сделать «Перед бурей» как можно совершеннее.

ЛОРДЕРОН

ПОДГОРОД

ВОСТОЧНЫЕ НАГОРЬЕ
АРАТИ

КОРОЛЕВСТВА

СТАЛЬГОРН

ШТОРМГРАД

ДАРНАС

АЗШАРА

ОРГРИММАР

КАЛИМДОР

ГРОМОВОЙ УТЕС

СИЛИТУС

ТАНАРИС

Пролог

Силитус

Кеззиг Хлопсвист поднялся с того места, где словно бы простоял на коленях не меньше десятка лет, с усилием разогнулся и уперся широченными зелеными ладонями в поясницу. Ответом ему был долгий, жалобный хруст позвонков. Страдальчески скривившись, Кеззиг облизнул пересохшие губы, промокнул лысину заскорузлым от пота носовым платком, прищурился от слепящих солнечных лучей и огляделся. Там и сям в воздухе клубились, зудели плотные тучи насекомых. И, конечно, песок – повсюду песок, и большая часть его к концу дня наверняка окажется в подштанниках. Совсем как вчера. И позавчера.

Силитус был местом на редкость гадким от самого начала времен.

И гаргантюанский меч, вонзенный в него разгневанным титаном, окрестных видов ничуть не улучшал.

Эта штука была громадна. Необъятна. Колоссальна. И все прочие красивые, заковыристые, длинные слова, что мог бы наворотить по ее поводу гоблин поумнее Кеззига. Клинок вошел в мир глубоко, до самого сердца, прямо здесь, среди живописных пейзажей Силитуса. Одна радость: чудовищный артефакт во множестве порождал то самое, что в данный

момент требовалось и Кеззигу, и еще этак сотне гоблинов.

– Джиксил! – окликнул он товарища, обследовавшего очередной висячий камень при помощи «Спект-о-Матик 4000».

– Чего?

Вчитавшись в показания прибора, второй гoblin, чуть меньше Кеззига ростом и чуть шире в плечах, покачал головой и предпринял новую попытку.

– Ненавижу это место.

– Да ну? Странно... оно о тебе говорит только хорошее.

Сощурившись, Джиксил вновь взглянул на показания прибора и от души хрястнул по нему кулаком.

– Ха-ха, очень смешно, – буркнул Кеззиг. – А я вот не шучу.

Джиксил вздохнул, доковылял до следующего камня и принялся обследовать его.

– Кеззиг, мы *все* ненавидим это место.

– А я – сильнее прочих. Не приспособлен я для такой обстановки. Я привык работать в Зимних Ключах. Я – из гоблинов снеголюбивых, мне бы с мороза – да к очагу, да в веселую компанию...

Джиксил метнул в него испепеляющий взгляд.

– Что ж тебе помешало остаться там? И здесь мне не досаждать?

Кеззиг скривился и почесал в затылке.

– Маленькая мисс Лунникса Буксуй, вот что. Я, понимаешь, работал в ее лавке товаров для горного дела. А порой

подрабатывал, показывая заезжим покупателям наш милый маленький Круговзор. Ну, вроде гида. И мы с Лунни вроде как... Ну да.

На лице Кеззига мелькнула ностальгическая улыбка, тут же сменившаяся сердитой гримасой.

– А потом она как заметила, что я околачиваюсь вокруг Канкан... и началось!

– Канкан, – ровным голосом повторил Джиксил. – Так-так. И с чего бы это Лунниксе расстраиваться? Ну, околачиваешься ты вокруг девицы по имени Канкан – подумаешь, большое дело.

– Знаю, знаю, не начинай! В Круговзоре холодно. Нужно время от времени погреться у огня, иначе замерзнешь, верно? И вдруг – раз, и сделалось жарче, чем здесь в полдень.

– Нет, тут ничего не найдем, – сказал Джиксил, очевидно, больше не слушая рассказа о бедственном положении Кеззига в Зимних Ключах.

Вздыхнув, Кеззиг поднял вьюк с оборудованием и снаряжением, легко взвалил его на плечи и поволок туда, где Джиксил надеялся добиться позитивных результатов. Там он сбросил груз на землю. Тонкое оборудование внутри откликнулось тревожным лязгом.

– Терпеть не могу песок, – продолжал он. – Терпеть не могу солнце. А уж как мух и прочих букашек ненавижу – словами не описать. Мелких – за то, что любят забираться в уши и нос. Больших... больших – за то, что большие. Нет,

конечно, их не любит никто. Всеобщая, так сказать, неприязнь. Но моя личная ненависть к ним пылает жарче тысячи солнц!

– А я думал, ты не любишь солнца.

– Верно, но я...

Внезапно Джиксил замер и вытаращил красные глаза, глядя на «Спект-о-Матик».

– Но я-то хотел сказать, что...

– Заткнись, идиот! – зарычал Джиксил.

Тут уж на прибор уставился и Кеззиг.

«Спект-о-Матик» словно свихнулся. Тонкая стрелка бешено заметалась из стороны в сторону, посреди кожуха тревожно, отчаянно заморгал красный огонек.

Гоблины переглянулись.

– Понимаешь, что это значит? – дрожащим голосом спросил Джиксил.

Губы Кеззига дрогнули, обнажая в улыбке почти все его желтые острые зубы. Сжав пальцы в кулак, он звонко ударил им о ладонь.

– Это значит, – сказал он, – что нам пора избавляться от конкурентов.

Глава первая

Штурмград

Печальные толпы шли к Покою Льва под проливным дождем. Казалось, само небо оплакивает тех, кто отдал жизнь за победу над Пылающим Легионом. Андуин Ринн, король Штурмграда, стоял в нескольких шагах от возвышения, с которого ему вскоре предстояло держать речь перед скорбящими всех рас Альянса. Он молча смотрел на прибывающих. Растроганному их видом, ему отчаянно не хотелось ничего говорить. Пожалуй, эта церемония отдания павшим последних почестей обещала стать самым трудным делом в его относительно недолгой жизни, и не только из-за прочих скорбящих, но и из-за собственной скорби: ведь она должна была состояться под сенью пустой могилы отца. Да, Андуин повидал много – слишком много траурных церемоний в память о павших в битвах. И всякий раз – как, несомненно, любой добрый правитель – надеялся и молился, что эта будет последней.

Надежды не сбылись ни разу.

Враги неизменно являлись вновь и вновь. Иногда – совершенно новые, незнакомые, возникшие словно бы из ниоткуда. Иногда – невероятно древние, давным-давно закованные в цепи либо погребенные и считавшиеся обезвреженными.

ми, вернувшись в мир после тысячелетий молчания, чтобы опять сеять среди мирных жителей ужас и смерть. Порой же враг был прекрасно знаком, но от этого не менее грозен.

«Как же отец раз за разом справлялся с подобными вызовами? – недоумевал Андуин. – Как устоял перед натиском дед?» Конечно, сейчас настали времена относительного затишья, но новый враг и новый вызов, вне всякого сомнения, не заставят себя ждать.

Смерть постигла Вариана Ринна совсем недавно, но сыну великого короля казалось, будто с тех пор прошла целая жизнь. Вариан пал в первом же настоящем бою последней войны, войны с Легионом – и, по всей видимости, причиной его гибели были не только чудовищные злобные твари, извергнутые Круговертью Пустоты, но и измена предполагаемой союзницы, Сильваны Ветрокрылой. Правда, еще одно сообщение – причем от того, кому Андуин вполне доверял – противоречило этой версии, наводя на мысли о том, что у Сильваны просто не оказалось иного выхода. Андуин не знал, что и думать. Воспоминания о хитрой и коварной предводительнице Орды, как всегда, вызывали злобу, и Андуин, как всегда, воззвал к Священному Свету, моля ниспослать ему спокойствие духа. Держать в сердце ненависть, пусть даже к вполне заслуживающему ненависти врагу... что в этом толку? Отца это не вернет. Что ж, по крайней мере легендарный воин погиб в бою, и его гибель спасла множество жизней...

А заодно сделала принца Андуина Ринна королем.

С одной стороны, к королевскому трону Андуин готовился всю свою жизнь. Готовился, но все же прекрасно понимал, что в другом отношении, причем очень важном, на самом-то деле править был не готов. А может быть, не готов и до сих пор: слишком уж велик был отец – и не только в глазах юного сына, но и в глазах своего народа, и даже в глазах врагов.

Получивший за ярость в битве прозвище «Ло’Гош», что означало «Призрачный Волк», Вариан был не просто могучим воином, с которым никто не сравнится в бою. Он был выдающимся правителем. В первые недели после трагической смерти отца Андуину пришлось положить все силы на то, чтоб успокоить потрясенный, убитый горем, взволнованный утратой народ, отказав в праве на скорбь самому себе.

Все горевали по Волку. Он, Андуин, горевал по человеку.

И ночью, лежа в постели, не в силах уснуть, часто думал: сколько же демонов потребовалось, чтоб одолеть короля Вариана Ринна?

Однажды он поделился этой мыслью с Генном Седогривом, королем павшего Гилнеаса, сделавшимся советником юного монарха. В ответ старик улыбнулся, несмотря на печаль, угнездившуюся во взгляде.

– Все, что я могу тебе сказать, мой мальчик: прежде, чем твоего отца одолели, он в одиночку уложил самого большого сквернбота, какого я когда-либо видел, и спас воздушное судно, полное отступавших солдат. Я точно знаю: Вари-

ан Ринн заставил Легион дорого заплатить за свою смерть.

В этом Андуин и не сомневался. Конечно, этого было мало, но – уж что есть, то есть.

Вокруг стояло множество вооруженных стражей, однако сам Андуин в день памяти павших доспехов не надел. Одет он был в рубашку белого шелка, перчатки из кожи ягненка, темно-синие брюки и тяжелую королевскую мантию, шитую золотом. Единственным оружием ему служило орудие не только войны, но и мира – булава Страхолом у пояса. Вручая ее юному принцу, бывший король дворфов Магни Бронзобород сказал, что Страхолом – оружие, в одних руках жаждущее крови, в других же останавливающее кровопролитие.

Сегодня Андуину хотелось встретить и поблагодарить как можно больше осиротевших. Хотелось бы ему утешить всех до одного, но суровая правда заключалась в том, что подобное было невозможно. Оставалось утешаться уверенностью, что Свет озаряет их всех... вплоть до усталого юного короля.

Зная, что солнце – там, за тучами, он поднял лицо к небу. Капли дождя потекли по щекам, будто благословение. Такой же дождь шел несколько лет назад, во время такой же церемонии прощания с героями, положившими на алтарь победы в войне с могущественным Королем-личем самое дорогое – жизнь.

Вот и сегодня все было так же, только в тот день рядом стояли два человека, которых Андуин любил всей душой. Первым, конечно же, был отец. Второй – женщина, кото-

рую он с любовью называл тетушкой Джайной – леди Джайна Праудмур. В те дни оба – и повелительница Терамора, и штормградский принц – еще были согласны друг с другом в стремлении к миру между Альянсом и Ордой.

В те дни еще существовал Терамор.

Однако город Джайны был уничтожен Ордой самым ужасающим образом, и с тех пор его осиротевшая правительница никак не могла до конца унять боль этой жуткой утраты. Андуин видел: она старалась изо всех сил, но только снова и снова растревляла глубокую рану в сердце. Наконец, не в силах вынести мыслей о единстве с Ордой, пусть даже против такого страшного врага, как демонический Легион, Джайна оставила и Кирин-Тор, который возглавляла, и синего дракона Калесгоса, которого любила, и Андуина, которого вдохновляла всю его жизнь.

– Ты позволишь?

Голос был ласков и мягок, как и его обладательница, обратившаяся в Андуину с вопросом.

Опустив взгляд, Андуин улыбнулся верховной жрице Лорене. Та спрашивала, не желает ли он получить ее благословение. Согласно кивнув, он склонил голову и тут же почувствовал, что тяжесть в груди исчезает, а душа успокаивается. Лорена обратилась к толпе, и Андуин почтительно отступил в сторону в ожидании своей очереди.

Выступить с речью на церемонии прощания с отцом он не смог: слишком сильна, слишком свежа была горечь утраты.

Со временем она как-то улеглась в сердце и несколько утратила свежесть (правда, от этого не убавила в силе), и потому сегодня он согласился сказать собравшимся несколько слов.

Шагнув вперед, Андуин встал рядом с гробницей отца. Гробница была пуста: Легион расправился с Варианом так, что отыскать тело оказалось невозможно. Андуин вгляделся в каменный лик на гробнице. Изваяние вышло очень похожим и приятным на вид. Вот только даже самым искусным камнерезам не удалось передать внутреннего огня Вариана – его горячего нрава, его веселого смеха, его порывистых движений... В глубине души Андуин был только рад, что гробница пуста: так он навсегда сохранит отца в сердце живым и полным сил.

Вспомнилось, как он добрался до места гибели отца – туда, где, не чувствуя рук Вариана, дремал подарок леди Джайны, Шаламейн. Дремал в ожидании прикосновения других рук, на которое сможет откликнуться.

Прикосновения сына великого воина.

Подняв его, Андуин словно бы ощутил присутствие Вариана. И в тот самый миг, когда он действительно взял на себя дела королевства, клинок меча вновь ожил, засиял – но не оранжево-красным воинским пламенем, а теплым, золотистым светом жреца. С этого и началось исцеление Андуина.

Генн Седогрив никогда в жизни не мог бы похвастать красноречием, но этих слов старика Андуину не забыть никогда:

– Твой отец совершил настоящий подвиг. Героический подвиг. И этим призвал нас, свой народ, никогда не поддаваться страху... пусть даже у самых врат преисподней.

Генн совершенно справедливо не сказал ни слова о том, что никто не должен испытывать страха. Главное – не позволять страху взять над собой верх.

«Не позволю, отец. И Шаламейн знает это».

С усилием вернувшись к настоящему, Андуин кивнул Лорене и повернулся к толпе. Дождь утихал, но еще не кончился, однако желания уйти не изъявлял никто. Взгляд Андуина скользнул по лицам вдов и вдовцов, потерявших детей родителей, сирот, ветеранов... Юный король гордился солдатами, павшими на поле боя, и всей душой надеялся, что, зная о героизме любимых, их духи будут покоиться с миром: ведь сегодня среди собравшихся перед Покоем Льва не было ни одного, кто поддался бы страху.

Тут он заметил Седогрива, державшегося позади, у фонарного столба. Взгляды их встретились, и старик слегка кивнул, приветствуя короля. Андуин вновь окинул взглядом лица – знакомые и незнакомые. Вот пандаренская девчушка изо всех сил сдерживает слезы... Андуин ободряюще улыбнулся ей. Девочка сглотнула и улыбнулась в ответ дрожащими губами.

– Подобно многим из вас, я знаю боль утраты не понаслышке, – заговорил Андуин. Голос его зазвенел ясно и громко, донесся до самых последних рядов. – Всем вам из-

вестно, что мой о... – тут он осекся, откашлялся и продолжал: – ...что король Вариан Ринн... пал в первом же крупном сражении на Расколотых островах, когда в Азерот вновь вторгся Легион. Он умер, спасая своих солдат – отважных мужчин и женщин, пошедших на бой с неописуемыми чудовищами, чтоб защитить нас, наши земли, наш мир. Он знал: Альянс важнее жизни любого – пусть даже короля. Вот и каждый из вас потерял на войне своего короля или королеву – отца или мать, брата или сестру, сына или дочь.

Переводя взгляд от лица к лицу, Андуин явственно видел, как все они нуждаются в утешении.

– И оттого, что ему и многим другим хватило мужества пожертвовать собой, нам удалось совершить невозможное. Мы победили Пылающий Легион. И теперь воздаем почести воинам, пожертвовавшим ради этой победы всем. Так почтим же их память не смертью... но жизнью! Почтим, залечивая раны и помогая исцелиться другим. Почтим, смеясь и подставляя лица солнцу, покрепче обнимая любимых и ни на день, ни на час, ни на минуту не позволяя им забыть: они – важнее всего.

Дождь прекратился. В прорехах среди расходящихся туч показались кусочки ясного синего неба.

– Ни мы, ни наш мир не остались невредимы, – продолжал Андуин. – Без ран и шрамов не обошлось. Поверженный титан пронзил наш любимый Азерот ужасным мечом, выкованным из воплощенной ненависти, и нам еще неизвест-

но, каких бед от этого ждать. В уголках наших сердец навсегда останется пустота. Но если вы хотите послужить королю, скорбящему сегодня вместе с вами, если хотите почтить память того короля, что отдал за вас жизнь, призываю: живите! Ведь наши жизни, нашу радость, наш мир – все это подарили нам павшие. И этими дарами нужно дорожить. За Альянс!

Толпа разразилась криками «ура»; некоторые – сквозь слезы. Настала очередь другим обратиться к народу. Андуин отошел в сторону, уступая место новым ораторам, вновь взглянул в сторону Седогрива... и сердце тревожно сжалось в его груди.

Рядом с бывшим королем Гилнеаса стоял мастер Матиас Шоу, глава ШРУ – разведывательной службы Штормграда. Такими мрачными Андуин не видел их еще никогда.

Юный король не слишком-то любил Шоу, хоть тот и служил Вариану, а ныне и Андуину, умело и верно. Андуин был достаточно разумен, чтоб понимать и ценить заслуги агентов ШРУ перед Штормградом. Мало этого: он затруднялся даже сказать, сколько из них погибли в недавней войне. В отличие от воинов, они, работавшие в тени, жили, служили и гибли так, что о деяниях их знали немногие. Нет, неприязнь Андуина вызывал вовсе не сам начальник шпионов. Скорее, король сожалел о том, что без мужчин и женщин, подобных ему, не обойтись.

Увидев, куда устремлен его взгляд, Лорена без лишних слов обратилась к толпе, а Андуин кивнул Генну с Шоу и

легким наклоном головы в сторону указал, что им следует поговорить подальше от ушей множества скорбящих – ведь те еще не разошлись. Сейчас они преклонили колени в молитве. Затем одни отправятся домой и продолжат скорбеть в одиночестве, другие пойдут по тавернам, дабы напомнить себе, что они все еще среди живых, все еще могут наслаждаться едой, выпивкой и веселой компанией – радоваться жизни, как призывал Андуин...

Однако заботам короля конца не бывает.

Втроем они тихо отошли за мемориал. Тучи почти рассеялись, лучи заходящего солнца блестели на волнах гавани, простиравшейся внизу.

Упершись ладонями в резную каменную ограду, Андуин глубоко вдохнул соленый морской воздух и прислушался к гомону чаек над головой. Юный король собирался с духом, готовясь услышать мрачные вести, принесенные Шоу.

Едва узнав об огромном мече, вонзенном в землю Силитуса, Андуин приказал Шоу все выяснить и доложить обстановку. Тут требовались свидетельства очевидцев, а не дикие слухи. И что хуже всего, эти дикие, невероятные, тревожные слухи полностью подтвердились. Последнее деяние падшего титана, последний и самый разрушительный удар, нанесенный в войне с Легионом, едва не стер с лица мира большую часть Силитуса. Единственным счастливым обстоятельством, уменьшившим масштаб разрушений, оказалось то, что разгневанный, ослепленный яростью Саргерас

не вонзил меч в более оживленную часть света. Ударь он не в безлюдную пустыню, а сюда, в соседний континент, в Восточные Королевства... Нет, об этом даже думать не следовало. Спасибо и на том, что катастрофа обошлась малой кровью.

До сих пор Шоу присылал донесения в письмах. Столь быстрого возвращения главы ШРУ Андуин никак не ожидал.

– Говори, – только и сказал король.

– Гоблины, повелитель. Целые толпы этих скверных созданий. По-видимому, начали прибывать в тот самый день, как... – тут Матиас осекся. Очевидно, даже ему не хватало слов, чтоб говорить о гигантском мече спокойно. – В день удара меча, – закончил он.

– Настолько быстро?

Андуин был изумлен, но, не выказывая удивления, продолжал смотреть в морскую даль. «Какими крохотными кажутся отсюда корабли и матросы, – подумал он. – Какими хрупкими... словно игрушки».

– Настолько быстро, – подтвердил Шоу.

– Гоблины – не самые очаровательные на свете существа, – сказал Андуин, – однако они хитры и ловки. И ничего не делают без причин.

– И эти причины, как правило, сводятся к одному – к деньгам.

Столь быстро собрать и снарядить такое множество гобли-

нов было по силам только Картелю Трюмных Вод, державшему сторону Орды. На всем этом деле явственно чувствовались отпечатки жирных пальцев пронырливого и бесчестного Джастора Галливикса.

На миг сжав губы, Андуин заговорил:

– Итак, Орда обнаружила в Силитусе нечто ценное. Что же на этот раз? Еще один древний город, достойный разграбления?

– Нет, Ваше Величество. Они обнаружили... это.

Король обернулся, и Шоу молча развернул грязный носовой платок, лежавший в его ладони.

В платке оказался камешек, комочек какого-то золотистого вещества. Казалось, это – мёд, смешанный со льдом – теплый, манящий, и в то же время прохладный, успокаивающий. А еще он... светился. Андуин окинул комочек скептическим взглядом. Да, выглядел он привлекательно, но не более прочих драгоценных камней. Совсем не то, что могло бы привлечь столь внезапное нашествие гоблинов...

В недоумении, Андуин взглянул на Генна и вопросительно поднял бровь. О шпионском ремесле он не знал почти ничего, а Шоу, при всем его авторитете, до сих пор оставался для короля загадкой, которую Андуин только начал разгадывать.

Генн кивнул, словно бы говоря: да, жест Шоу странен, а доставленный им предмет – тем более, но, как бы Шоу ни пожелал продолжить разговор, ему можно доверять. Король

снял перчатку и протянул руку.

Камешек мягко скатился на ладонь, и...

Андуин ахнул.

Вся тяжесть скорби исчезла, будто с короля разом сорвали стальной доспех. Усталость сменилась приливом кипучей энергии и ясностью мыслей. В голове, один за другим, начали рождаться планы, и каждый из них был безупречен, каждый вел к успеху, порождал перемены в людях, гарантировал долгий мир и благоденствие всем жителям Азерота.

Мало этого, небывалых высот достиг не только разум, но и тело, словно ракета взмывшее к новым уровням силы, выносливости и ловкости. Казалось, сейчас Андуин мог бы не только взобраться на любую гору, но и сдвинуть ее с места. Он мог прекратить войну, мог озарить Светом любой темный уголок. Он был охвачен восторгом, однако абсолютно, совершенно спокоен, и ничуть не сомневался, что может направить в нужное русло эту бурную реку – да что там реку, цунами – энергии и силы. Даже сам Свет не действовал на него так, как этот... как это неведомое вещество. Ощущения были схожими, но не столько духовными, сколько физическими.

И куда более тревожными.

Надолго утратив дар речи, Андуин молча дивился на бесценное сокровище в ладони.

– Что... что это? – спросил он, наконец-то придя в себя.

– Мы не знаем, – без околичностей ответил Шоу.

«Чего с этим можно добиться! – подумал Андуин. – Скольких он может исцелить? Скольких укрепить, вдохновить, утешить... и скольких погубить?»

Эта мысль подействовала на короля, точно удар в живот, и вызванный камнем восторг поубавился.

– А вот Орда, похоже, знает, – твердо, решительно сказал Андуин. – И мы должны выяснить как можно больше.

Такое не должно было попасть в нечистые руки.

То есть, в руки Сильваны.

«Такая великая сила...»

Осторожно сжав в кулаке небольшой камешек, таивший в себе безграничные возможности, король вновь повернулся на запад.

– Согласен, – ответил Шоу. – Мы над этим работаем.

Адриан помолчал, обдумывая следующие слова. Он знал, что и Шоу, и Седогрив (против обыкновения молчаливый, однако взирающий на короля с одобрением) ждут его приказов, и был очень рад иметь столь верных людей на своей стороне. Другой на месте Шоу мог бы и прикарманить образец...

– Поручи это лучшим из своих людей, Шоу. Если потребуется, освободи их от всех остальных заданий. Мы должны узнать об этом больше. Вскоре я созову совет.

Протянув руку за носовым платком Шоу, Андуин бережно завернул в ткань комочек невероятного, неведомого материала и спрятал его в карман. Ощущения поутихли, одна-

ко не исчезли без следа.

Андуин уже принял решение отправиться в путешествие, посетить земли союзников Штурмграда, поблагодарить их за помощь и помочь им оправиться от причиненных войной разорений.

Теперь эти планы обрели особую, чрезвычайную важность.

Глава вторая

Оргриммар

Бывшей предводительнице следопытов Луносвета и темной королеве Отрекшихся, а ныне – вождю Орды, Сильване Ветрокрылой, ничуть не хотелось являться на зов в Оргриммар, будто ученый пес, от которого требуется продемонстрировать все свои трюки. Хотелось другого – вернуться в Подгород. Как не хватало ей его мрака, сырости, покойной тишины... «Упокоения в мире», – мрачно подумала она, чувствуя, как губы дрогнули в улыбке. Но улыбка тут же померкла, а Сильвана продолжала в нетерпении мерить шагами небольшую комнату за тронем вождя в крепости Громмаш.

Но вот ее острое ухо уловило звук знакомых шагов, и Сильвана остановилась. Полог из дубленой кожи – хоть какой-то намек на уединение – сдвинулся в сторону, и пришелец шагнул через порог.

– Ты опоздал. Еще четверть часа, и мне пришлось бы выезжать одной, без моего верного защитника.

– Прости, королева, – с поклоном ответил он. – Я был занят твоей службой, и дела затянулись долее, чем ожидалось.

Сильвана была безоружна, но при нем имелся и лук, и колчан, полный стрел. Единственный на свете человек, принятый в ряды следопытов, он был превосходным стрелком, и

по одной только этой причине лучшего телохранителя Сильване было бы не найти. Между тем, кроме этой причины, существовали и иные – те, что уходили корнями в далекое прошлое, когда оба они жили под светлым прекрасным солнцем и дрались за многое светлое и прекрасное плечом к плечу.

Затем обоих – и человека, и эльфийку – постигла смерть. Теперь прекрасного и светлого для них оставалось не много, а большую часть общего прошлого словно окутал туман.

Большую часть, но вовсе не все.

Хотя самые теплые чувства оставили Сильвану в тот же миг, как только она поднялась из мертвых в виде банши, гнев ее отчего-то сумел сохранить былой жар. Но теперь этот жар угасал, словно догорающие угли. На Натаноса Маррриса, ныне известного как Гнилостень, ей редко случалось гневаться подолгу. К тому же, он и вправду был занят на ее службе. Он навещал Подгород, пока долг, будто узда, удерживал Сильвану здесь, в Оргриммаре.

Как ни хотелось ей взять его за руку, пришлось удовольствоваться благосклонной улыбкой.

– Ты прощен, – сказала Сильвана. – Ну, а теперь рассказывай. Что нового дома?

В ответ она ожидала услышать краткий перечень скромных забот и заверения в верности Отрекшихся своей Темной Госпоже. Но вместо этого Натанос помрачнел.

– Положение... положение сложное, моя королева.

Улыбка Сильваны померкла. Что там могло быть сложно-

го? Подгород принадлежал Отрекшимся, а Отрекшиеся были ее народом...

– Там очень не хватает твоего присутствия, – продолжал Натанос. – Да, многие горды тем, что во главе Орды, наконец, встал один из Отрекшихся, но некоторым кажется, будто, став вождем, ты могла забыть тех, кто предан тебе более всех остальных.

Сильвана резко, невесело рассмеялась и покачала головой:

– Бейн, Саурфанг и прочие говорят, что я не уделяю им должного внимания. Мой же народ говорит, что и этого слишком много. Как ни поступи, кто-нибудь останется недоволен – и как тут прикажете править? Будь проклят этот Вол’джин со своими лоа! Нужно было остаться в тени – и пользы вышло бы больше, и требований со всех сторон меньше.

«И я могла бы делать то, чего действительно желаю».

Да, подобной власти она не желала никогда. По крайней мере, всерьез. Как она и сказала троллю Вол’джину во время суда над покойным (и никем не оплаканным) Гаррошем Адским Криком, она предпочитала властвовать и править неявно, исподволь. Однако, в буквальном смысле испуская последний вздох, Вол’джин, глава Орды, приказал, чтобы она сделала прямо противоположное. Объявил, что таково было видение, ниспосланное почитаемыми им лоа.

«Ты должна выйти из тени и править. Ты должна быть во-

ждем».

Вол'джина она уважала, хотя и нередко ссорилась с ним. В нем не было грубости, шероховатости, столь часто присущей правлению орков. О его гибели Сильвана сожалела абсолютно искренне – и вовсе не только из-за ответственности, переложенной им на ее плечи.

Открыв было рот, чтоб попросить Натаноса продолжать, королева услышала стук древка копья о каменный пол у порога комнатки и прикрыла глаза, набираясь терпения.

– Войди, – буркнула она.

Один из Кор'кронской стражи, элитной гвардии орков, повинился и встал у порога навывтяжку.

– Пора, вождь, – с непроницаемой миной на зеленом лице сказал он. – Твой народ ждет.

«Твой народ...» Нет. Ее народ остался в Подгороде, скупал о ней и даже чувствовал себя обманутым, не ведая, что ей больше всего на свете хотелось бы вернуться и снова оказаться среди них.

– Сию минуту выезжаем, – сказала Сильвана. А на случай, если страж не понял, что кроется за этими словами, добавила: – Оставь нас.

Орк отсалютовал и вышел, опустив за собой кожаный полог.

– Продолжим по пути, – сказала Сильвана Натаносу. – Кроме этого, мне нужно обсудить с тобой кое-что еще.

– Как пожелает моя королева, – откликнулся тот.

Несколько лет назад Гаррош Адский Крик был вынужден устроить в Оргриммаре пышное празднество в память об окончании Нордсколской кампании. В те дни он еще не был вождем. Празднество началось с торжественного парада. Все ветераны, кто пожелал, проследовали маршем по пути, устланному специально привезенными сосновыми лапами, а в конце их ждал колоссальный пир.

Празднество вышло экстравагантным и крайне дорогим, и Сильвана не имела ни малейшего намерения следовать по стопам Адского Крика – ни в данной ситуации, ни в любой иной. Гаррош был надменен, груб и импульсивен. Его решение ударить по Терамору мана-бомбой не на шутку взволновало умы менее жестоких рас, хотя самой Сильване не нравилось лишь одно – выбранный орком момент. Презируя Гарроша, она – к сожалению, без малейшего успеха – втайне замышляла убить его даже после того, как он был схвачен и обвинен в военных преступлениях. И была безмерно довольна, когда Гарроша постигла неизбежная смерть.

Предводитель орков Варок Саурфанг и верховный вождь тауренов Бейн Кровавое Копыто тоже не питали к Гаррошу ни малейшей любви, однако вынудили Сильвану публично появиться в Оргриммаре и хоть чем-то ознаменовать окончание войны.

– Под твоим командованием храбрые члены Орды бились и умирали за то, чтоб демоны Легиона не уничтожили наш

мир, подобно многим другим, – подчеркнул юный бык.

Один лишь шаг отделял его слова от откровенного осуждения!

Вспомнилась Сильване и кое-как завуалированная... угроза? Предостережение?

– Ты – вождь всей Орды: орков, тауренов, троллей, эльфов крови, пандаренов, гоблинов, а не одних только Отрекшихся. Никогда не забывай этого, не то об этом могут забыть они.

«Чего я уж точно никогда не забуду, орк, – подумала Сильвана в новом приливе гнева, – так это твоих слов».

Вот почему сейчас, вместо того, чтобы вернуться домой и заняться делами Отрекшихся, Сильвана сидела верхом на костлявой спине одного из своих коней-скелетов и махала рукой ликующим толпам, заполонившим улицы Оргриммара. Сей марш (она позаботилась о том, чтобы никто не называл его «парадом») официально начался у въезда в столицу Орды. По одну сторону от колоссальных ворот собрались кучки местных, оргриммарских эльфов крови и Отрекшихся.

Как и следовало ожидать, эльфы крови облачились в роскошные одежды своих излюбленных цветов – черного с красным. Возглавлял их Лор’темар Терон. Сидя верхом на краснопером крылобеге, он ровно, спокойно взглянул ей в глаза.

Некогда они были друзьями. Терон служил под командованием Сильваны при жизни, когда она стояла во главе следопытов высших эльфов, и был ей товарищем по оружию,

совсем как ее защитник, ехавший рядом. Но если Натанос, в прошлом смертный человек, а ныне – Отрекшийся, неуклонно хранил верность Сильване, то верность Терона (Сильвана прекрасно понимала это) принадлежала его народу.

Такой же, какой была когда-то и она сама.

Тот, с кем у нее не осталось ничего общего.

Терон склонил голову. Да, он будет нести службу – по крайней мере, пока. Не склонная к речам, Сильвана молча кивнула в ответ и повернулась к группе Отрекшихся.

Те ждали терпеливо, как всегда, и она гордилась ими за это. Но выказывать предпочтений здесь и сейчас было нельзя. Посему она приветствовала их так же, как Лор’темара и син’дорай, пришпорила скакуна и въехала в ворота. Отрекшиеся и эльфы крови выстроились в колонну – так, чтобы не мешать Сильване – и тронулись следом. Таково было ее условие, на коем она настаивала непреклонно. Ей требовалось улучшить хоть несколько минут вдали от посторонних ушей: кое о чем следовало знать только ее защитнику.

– Расскажи об умонастроениях моего народа подробнее, – велела она.

– С их точки зрения, – продолжал темный следопыт, – ты – неотъемлемая часть Подгорода. Ты создала их, ты потрудилась продлить их существование, ты была для них всем. Твое возвышение оказалось столь внезапным, а угроза – столь серьезной и близкой, что ты удалилась, не поручив заботы о них никому.

Сильвана кивнула. Все это вполне можно было понять.

– На твоём месте осталась огромная дыра. А власть не терпит пустоты.

Сильвана изумленно подняла брови. Уж не о перевороте ли идет речь? Королеве немедленно вспомнилась недавняя измена Вариматраса, демона, в чьем послушании она не сомневалась ни на минуту. И что же? Он переметнулся на сторону неблагодарного подлеца Гнилесса, верховного аптекаря Отрекшихся, создавшего чуму, что не щадила ни живых, ни нежити, и едва не сумевшего погубить саму Сильвану. Вернуть себе Подгород стоило немалой крови... Но нет. Хоть эта мысль и пришла в голову, Сильвана понимала: ее верный защитник не говорил бы с такой небрежностью, если бы в Подгороде действительно случилось нечто столь же ужасное.

Как нередко бывало, Натанос прекрасно понял, что означает выражение ее лица, и поспешил заверить:

– Там все спокойно, моя королева. Но за отсутствием единовластного правителя жители твоего города сами сформировали орган управления, возложив на него заботы о нуждах населения.

– О, понимаю. Временное правительство. Пожалуй... пожалуй, это разумно.

Вначале путь через город пролегал вдоль застроенного непрерывной чередой лавок района под названием Волок, а затем вел в Аллею Чести. Некогда Волоком очень метко называли далеко не самую почтенную часть города, до Ката-

клизма примыкавшую к стене каньона, а после сего ужасного события, как и многие земли осажденного Азерота – в буквальном смысле возвысившуюся. Подобно самой Сильване Ветрокрылой, Волок поднялся из мрака. Теперь утоптанную землю его кривых улиц озарял солнечный свет, а по их сторонам взошли и расцвели вполне достойные заведения, наподобие лавок, торговавших одеждой и чернилами.

– Они называют себя Советом Покинутых, – продолжал Натанос.

– Сколько жалости к самим себе, – пробормотала Сильвана.

– Возможно, это и чересчур, – согласился Натанос, повернувшись к ней, – однако недвусмысленно демонстрирует их настроения и чувства. Вдобавок, моя королева, по городу ходят слухи о совершенном тобой во время этой войны. И некоторые из них даже правдивы.

– Слухи... какого рода? – возможно, чуть поспешнее, чем следовало бы, спросила Сильвана.

Военных планов у нее было множество, и теперь оставалось только гадать, каким из них удалось просочиться в народ в виде слухов.

– До них дошли вести о невероятных усилиях, предпринятых тобой ради продления их существования, – ответил Натанос.

«А, это...»

– Думаю, до них дошла весть и о том, что Генн Седогрив

пустил все их надежды прахом, – горько сказала Сильвана.

Дабы найти валь’кир, способных воскресить павших, она повела свой флагман, «Ветрокрылый», на Расколотые острова, в Штурмхейм. Иного способа создания новых Отрекшихся Сильвана в тот момент не знала.

– Ведь я почти сумела поработить великую Эйир. Она отдала бы мне валь’кир навеки. И никому из моего народа больше не пришлось бы умирать... Я могла бы спасти их всех.

– Вот в том-то и... заговоздка.

– Довольно расшаркиваний, Натанос. Говори прямо.

– Не все желают для себя того, чего желаешь им ты, моя королева. Многие в Совете Покинутых всерьез обеспокоены, – ответил защитник. Благодаря заказанному и оплаченному Сильваной сложному ритуалу его мертвое лицо сохранилось намного лучше, чем лица прочих Отрекшихся, и в этот момент на его губах заиграла улыбка. – Эту опасность ты создала сама, наделив их свободой воли. Теперь они вольны не соглашаться с тобой.

Бледные брови Сильваны сошлись воедино, лицо ее исказила жуткая гримаса.

– Значит, они желают исчезновения? – прошипела она, чувствуя жгучую ярость, вскипающую в груди. – Хотят сгнить в земле?

– Мне неизвестно, чего они хотят, – спокойно ответил Натанос. – Они желают говорить не со мной, а с тобой.

Сильвана издала негромкий, еле слышный рык. Натанос, как всегда, терпеливо ждал. Сильвана знала: он не послушается ее ни в чем. Она могла хоть сейчас приказать ему собрать отряд из любых воинов Орды, кроме Отрекшихся, дойти маршем до Подгорода и схватить членов этого «Совета Неблагодарных». Но в тот же миг, как эта приятная мысль возникла в голове, Сильвана поняла, насколько она неразумна. Прежде, чем действовать, следовало выяснить больше – намного больше. Отрекшихся – любых Отрекшихся – было бы куда предпочтительнее переубедить, чем уничтожать.

– Я... обдумываю их просьбу, – негромко сказала Сильвана своему защитнику. – Но сейчас мне нужно обсудить с тобой кое-что другое. Казна Орды нуждается в пополнении. Скоро нам понадобятся средства, и... и силы.

С этими словами она помахала рукой семейству орков. И мужа, и жену украшали боевые шрамы, однако оба улыбались, а дочь, поднятая ими повыше, чтобы и она смогла разглядеть вождя, выглядела здоровой и упитанной. Несомненно, некоторые в Орде любили своего вождя.

– Не понимаю, моя королева, – сказал Натанос. – Конечно, Орде нужны и средства, и члены.

– Нет, дело не в членах. Дело в армии. Я решила не распускать войско.

Натанос устремил на нее взгляд.

– Они считают, что возвращаются по домам, – заметил он. – Разве это не так?

– Пока что так, – отвечала Сильвана. – Нам нужно время, чтоб залечить раны. Нужно время, чтобы посеять хлеб. Чтобы немного отдохнуть. Но вскоре я позову отважных воинов Орды в новую битву. В ту самую, которой так жаждем и я, и ты.

Натанос молчал. Нет, это не стоило принимать за несогласие или неодобрение. Он часто молчал. Вдобавок, он не старался вытянуть из Сильваны побольше подробностей, а значит, понял, чего она хочет.

Взять Штурмград.

Глава третья

Оргриммар

Жаждающий мира король-мальчишка Андуин Ринн потерял отца и, по всем имевшимся сведениям, воспринял утрату очень тяжело. Ходили слухи, будто он сумел отыскать Шаламейн и теперь бьется не только Светом, но и холодной сталью. В это Сильване как-то не верилось. Трудно было представить это ранимое дитя делающим подобные вещи. Вариана она уважала. Мало этого, он ей даже нравился. К тому же, призрак Легиона был столь ужасен, что она согласилась забыть о ненависти, питавшей ее в посмертии, как при жизни – еда и питье.

Но вот Волка не стало, а юный лев на самом-то деле еще котенок, люди же понесли огромные потери. Сделались слабыми.

Беззащитными. Добычей.

Добычей охотницы Сильваны.

Орда была крепка. Сильна. Закалена в битвах. Члены Орды оправятся от войны куда быстрее, чем расы Альянса. Все, что она перечислила – посевы, исцеление ран, отдых, – займет у них меньше времени. Вскоре они снова возжаждут крови, и Сильвана предложит им утолить эту жажду алыми соками жизни людей Штормграда, старейших врагов Орды.

Ну, а взамен – увеличит численность Отрекшихся. Все люди, павшие со своим городом, восстанут из мертвых и будут служить ей. В самом деле, разве это так уж ужасно? Они никогда не расстанутся с любимыми. Забудут о муках страстей и утрат. Перестанут нуждаться в сне. Смогут преследовать собственные интересы не хуже, чем в жизни. Наконец-то достигнут согласия.

«Если бы только люди поняли, сколь ужасно обходится с ними жизнь и как мучительны все сопутствующие ей страдания, – подумала Сильвана, – они ухватились бы за этот шанс обеими руками». Отрекшиеся прекрасно понимали это... по крайней мере, так полагала их королева, пока Совет Покинутых по некоей необъяснимой причине не продемонстрировал обратное.

Бейн Кровавое Копыто, Варок Саурфанг, Лор’темар Терон и Джастор Галливикс, без сомнения, поймут, что Сильване нужны трупы людей. В конце концов, правителями своих народов они стали отнюдь не благодаря глупости. Однако они будут драться против ненавистных людей, дабы заполучить себе их сверкающий белый город со всеми окрестными лесами и обильными полями, и не пожалеют для Сильваны мертвых тел – ведь она приведет их к великой победе, не только выгодной, но и весьма символичной.

Человеческих героев, способных возглавить и повести за собой Альянс, больше не было. Ни Андуина Лотара, поверженного Оргримом Молотом Рока, ни Ллейна и Вариана

Риннов. От этого рода остался только Андуин Ринн – то есть, просто ничто.

Проехав Аллею Чести, Сильвана с Натаносом в сопровождении колонны ветеранов повернули назад, к Аллее Мудрости. Там их ждал Бейн в полном традиционном убранстве правителя тауренов. Он стоял неподвижно, только помахивал хвостом да ушами, отгоняя жужжавших в летнем воздухе мух. Вокруг него собралось множество его храбрецов. Со спины коня Сильвана могла прямо, не задирая головы, смотреть в глаза даже ему, чем и не преминула воспользоваться. Бейн безмятежно выдержал ее взгляд.

Пожалуй, еще меньше общего, чем с тауренами, у Сильваны нашлось бы разве что с пандаренами, примкнувшими к Орде. Спокойный, непоколебимый, глубоко духовный народ, они жаждали душевного покоя и чтили обычаи старины. Когда-то Сильвана понимала эти чувства, однако ныне разделять их не могла.

Больше всего Бейн раздражал ее тем, что, несмотря на убийство отца и обиду за обидой, сыплющиеся на его рогающую голову, превыше всего ценил мир – мир между народами и мир в собственном сердце.

Служить Сильване Бейна обязывала честь, а своей чести юный бык не запятнал бы ни за что. Если, конечно, не переходить границ, от которых Сильвана пока что была далека.

Приветствуя ее на тауренский манер, Бейн положил руку на грудь над сердцем и топнул копытом. Его храбрецы сдела-

ли то же. Земля Оргриммара слегка содрогнулась. Пришпорив коня, Сильвана тронулась дальше, и таурены двинулись за Отрекшимися и эльфами крови Терона.

Натанос хранил молчание. Извилистая дорога вела колонну к Аллее Духов, исконному месту жительства троллей. Как они гордятся собой, эти несколько «первых» рас... Сильвана была уверена: на самом деле они до сих пор не считают расы более поздние – эльфов крови, гоблинов и ее народ – истинными, «настоящими» членами Орды. Как ни забавно, едва примкнув к Орде, гоблины тут же просочились в Аллею Духов и едва не превратили выделенный им район в руины.

Подобно тауренам, тролли числились у орков в лучших друзьях. Вождь орков Тралл назвал орочьи земли Дуротаром – в честь своего отца Дуротана. Оргриммар же получил свое название в честь прежнего вождя Орды Оргрима Молота Рокка. До Вол’джина все вожди Орды были орками. А до Сильваны все они принадлежали к основным, изначальным расам. И были мужчинами.

Сильвана изменила и то и другое, и немало гордилась этим.

Подобно ей самой, Вол’джин, возвысившись до вождя, оставил свой народ без правителя. Но, если у Отрекшихся – пусть в роли вождя Орды – была хотя бы она, то тролли до сих пор не имели официального правителя, кроме, разве что, Рокхана. Еще одна забота: поставить кого-то во главе троллей, и как можно скорее. Кого-то из тех, с кем мож-

но работать. Кого можно держать под контролем. Иначе они могут выбрать такого, кто пожелает оспорить ее власть, а это совсем ни к чему.

Сегодня многие встречали ее улыбками и радостными криками, но обольщаться, принимая это за всеобщую любовь, не стоило. Сильвана привела Орду к победе, казавшейся невозможной, и это – по крайней мере, на время – помогло сплотить ее членов вокруг себя.

Вот и хорошо.

Учтиво раскланявшись с троллями, Сильвана приготовилась к следующей встрече.

Откровенно говоря, к гоблинам она не питала ни малейшей любви. Не слишком-то щепетильная в вопросах чести, Сильвана могла ценить честь в других – подобно многому, она казалась отголоском чего-то знакомого, но давно отзвучавшего. Гоблины, на ее взгляд, были всего лишь коренастыми, приземистыми, безобразными, жадными до денег паразитами. О да, они были умны – порой умны опасно, как для других, так и для самих себя. И, несомненно, изобретательны. И все же те времена, когда Сильвану связывали с ними только чисто финансовые отношения, нравились ей куда больше. Пока гоблины не сделались полноправными членами Орды, не было и надобности притворяться, будто они для нее что-то значат.

Конечно же, без их предводителя – украшенного гирляндой подбородков, туго перетянутого поясом зеленого ком-

ка жира и жадности по имени Джастор Галливикс – дело не обошлось. За спиной торгового принца скалила в ухмылках острые желтые зубы пестрая, шумная толпа гоблинов. По-видимому, кривые тонкие ножки Джастора уже утомились поддерживать увесистую тушу. При виде Сильваны он снял свой любимый цилиндр, тяжело оперся на трость и поклонился – так низко, как только позволяло брюхо.

– Вождь, – маслянистым, приторным голосом заговорил он, – надеюсь, чуть позже ты сможешь уделить мне немного времени. У меня есть для тебя кое-что очень и очень интересное.

Ну конечно! Кто, как не гоблин, посмел бы в такой день сунуться к ней с собственными делами! Нахмурившись, Сильвана открыла было рот, но, взглядевшись в лицо торгового принца, решила повременить с отповедью.

Прежде, чем погибнуть от рук Артаса Менетила, она прожила долгую, очень долгую жизнь, в каком-то смысле продолжавшуюся и по сей день. И столько раз вглядывалась в лица, оценивая характер и слова собеседника...

Чаще всего на лице Галливикса красовалась искусственная улыбка из тех самых, будто говорящих «привет, дружиче, какая встреча», не внушавшая Сильване ничего, кроме отвращения. Чаще всего... но не сегодня. Сегодня в нем не чувствовалось обычной жажды наживы. Он был спокоен. Спокоен, точно игрок, заранее уверенный в выигрыше. Столь бесцеремонное обращение к ней в такой момент озна-

чало, что дело у него серьезное. Однако язык тела... пожалуй, впервые на ее памяти Галливикс не юлил, не горбился, а стоял прямо, и это яснее всего прочего свидетельствовало, что он твердо рассчитывает покинуть игорный стол без особых разочарований.

Очевидно, на сей раз у него в запасе действительно имелось нечто очень и очень интересное.

– Поговорим на пиру, – сказала Сильвана.

– Как прикажешь, мой вождь! – воскликнул гоблин, вновь сняв перед нею цилиндр.

Сильвана отвернулась от него и направилась дальше.

– Не доверяю я этому гоблину, – с отвращением сказал Натанос, нарушив долгое молчание.

– Я тоже, – ответила Сильвана. – Но выгоду они чувствуют безошибочно. Я вполне могу выслушать его, ничего не обещая.

– Конечно, вождь, – кивнул Натанос.

Гоблины и тролли пристроились к хвосту колонны, но паланкин Галливикса каким-то образом оказался прямо за стражей Сильваны. Каким обманом, какой хитростью ему удалось занять это место? Об этом оставалось только гадать. Встретившись с нею взглядом, Джастор ухмыльнулся, поднял кверху большие пальцы и подмигнул. Сильване едва удалось сдержаться и не скривить губы от омерзения. Пожалев о решении поговорить с Галливиксом на пиру, она сосредоточилась на других делах.

– Мы ведь во всем согласны? – спросила она, обращаясь

к Натаносу. – Штурмград должен пасть, а погибшие в битве станут Отрекшимися.

– Как пожелаешь, моя королева, – ответил он, – но, думаю, о моем мнении тебе беспокоиться ни к чему. Говорила ли ты об этом с другими правителями? Возможно, им есть, что сказать об этой идее. На мой взгляд, мира, купленного столь дорогой ценой и более желанного, мы еще не видали. Возможно, им не захочется так быстро переворачивать все с ног на голову.

– Пока враг жив, мир – еще не победа.

Да, пока рядом беззащитная жертва, пока дальнейшее существование Отрекшихся под вопросом, до победы далеко.

– За вождя!!! – заорал какой-то таурен во всю силу огромных легких.

– За вождя! За вождя! За вождя! – загремело со всех сторон.

Долгий «победный марш» приближался к концу. Процессия двигалась к крепости Громмаш. Сильвану ждала встреча с последним правителем, неизменно внушавшим ей уважение пополам с неприязнью.

Варок Саурфанг был умен, силен, отважен и, подобно Бейну, верен. Но всякий раз, глядя в глаза орка, Сильвана чувствовала тревогу. Этот взгляд говорил о том, что стоит вождю серьезно оступиться – и он вполне может усомниться в ней, а то и откровенно восстать против нее.

Вот и сейчас, выступив вперед, он смотрел на нее точно

так же и не отвел взгляда даже в почтительном поклоне. Сделав шаг в сторону, он пропустил Сильвану и всех остальных вперед и двинулся следом в хвосте колонны.

Как и все остальные.

Спешившись, Сильвана вошла в крепость Громмаш с высоко поднятой головой.

Натанос тревожился, что остальные правители не поддержат ее плана...

«Я скажу им, что делать... но позже. В свое время».

Во время марша в крепость Громмаш был доставлен тяжелый, грубо отесанный стол и скамьи. Здесь всех правителей с немногими избранными из числа их стражи и близких товарищей ждал праздничный пир. Сильване, как подобает вождю, предстояло сесть во главе стола.

Оглядев соседей, она отметила, что ни у кого из них нет семьи. Пожалуй, разве что ее защитник мог быть хоть как-то похож на официального консорта или спутника жизни – и то отношения их не отличались определенностью даже для них самих.

Каждой из рас было предложено представить ритуал празднования победы или отдания почестей ветеранам. Сильвана решила поддержать эту мысль: такое обещало облегчить боль многим, причем Орде не стоило ни медяка – все расходы брали на себя участвующие расы. Конечно же, идея принадлежала Бейну: подобные ритуалы сделались ча-

стью культуры его народа с тех пор... наверное, с тех самых пор, как на свете появились таурены.

Участвовать согласились и тролли, и примкнувшие к Орде пандарены. Положение последних в Орде было уникальным: они являли собой собрание отдельных лиц, разделявших идеалы Орды. Страна их и их правитель остались далеко, но свою полезность для Орды они не раз доказали делом. В ответ на предложение провести ритуал они закивали круглыми мохнатыми головами, обещая воодушевить всех зрелищностью и красотой. Сильвана с любезной улыбкой заметила, что это будет очень кстати.

Когда-то и в Кель’Таласе устраивались грандиозные, яркие, блистательные церемонии – с потешными боями, со всей возможной пышностью и великолепием... Но в последнее время, в борьбе с предательством и магической зависимостью, бывшие высшие эльфы заметно утратили веселость нрава. Да, Кель’Талас восстанавливался, а эльфы крови все так же любили комфорт и роскошь, но на сей раз сочли, что в свете великого множества бедствий, постигших их народ, роскошные зрелища просто невыносимы. Терон сообщил Сильване, что выступят они коротко и по делу. Неудивительно: ведь син’дорай горевали не меньше Отрекшихся, а сама Сильвана от участия в том, что считала пустой тратой времени и золота, отказалась наотрез.

В чем ее, как это ни забавно, поддержали гоблины.

Праздник начался с ритуалов, исполненных шаманами

всех рас-участниц. Затем таурены изобразили одну из величайших битв выигранной войны, и, наконец, в центр крепости Громмаш вышли пандарены. Одетые в шелка – в рубахи, штаны и платья нефритово-зеленых, небесно-голубых и тошнотворно-розовых оттенков – они плясали, кувыркались, сходились в потешных боях с поразительной грацией, совершенно неожиданной для таких больших, круглых, неловких с виду существ.

Завершились выступления речью Бейна. Поднявшись на ноги, он медленно оглядел зал – не только правителей за столом, но и остальных, сидевших на шкурах и половиках, устилавших утоптаный земляной пол.

– Сегодня, – зарокотал он, – мы собрались здесь с болью и гордостью в сердце. С болью за многих отважных героев Орды, доблестно павших в ужасной битве. Сам вождь Орды, Вол’джин, шел на бой с Легионом в первых рядах. Он бился храбро. Он бился за Орду.

– За Орду, – негромко, торжественно подхватили остальные.

Проследив за взглядом Бейна, Сильвана увидела висящее на почетном месте оружие и ритуальную маску Вол’джина и, по примеру остальных, склонила перед ними голову.

– Но не забудем и гордости, внушенной нам этими битвами и их исходом. Наперекор всему мы одолели Легион. Победа стоила нам больших потерь, однако мы победили. Мы истекали кровью – ныне наши раны затянулись. Мы горева-

ли – ныне мы празднуем! За Орду!

На сей раз ответом ему был не тихий торжественный шепот, но полногласный, искренний ликующий вопль.

– За Орду!!! – загремело под сводами крепости так, что стропила едва не содрогнулись.

На столе появился жареный кабан с корнеплодами, а также эль, вино и кое-какие напитки покрепче. Все, кроме Сильваны, принялись за еду. Вскоре после того, как с первой переменной блюд было покончено, Сильвана заметила расширенный звездами красно-фиолетовый цилиндр, движущийся к ее концу стола.

– О, вождь! Минутку твоего времени?

– Одну минутку, – уточнила Сильвана, бросив взгляд на ухмылявшегося гоблина, остановившегося у ее кресла. – Слушаю тебя. Но не трать мое время впустую.

– Уверен, вождь, ты согласишься, что время потрачено не зря, – все с тем же уверенным видом сказал Джастор. – Но для начала – маленькая предыстория. Не сомневаюсь, тебе известно, с какими бедами и трудностями пришлось столкнуться Картелию Трюмных Вод перед тем, как нас пригласили присоединиться к Орде.

– Да. Твой остров был уничтожен извержением вулкана, – вспомнила Сильвана.

С неубедительной скорбью на лице Галливикс коснулся пальцем уголка глаза, утирая несуществующую слезу.

– Такие великие потери, – вздохнул он. – Такое множество

каджа'мита пропало в один миг...

Сильвана внесла поправку в прежнее мнение: пожалуй, слеза Галливикса была вполне настоящей.

– «Каджа-Кола»... – Гоблин ностальгически шмыгнул носом. – Она осеняет!

– Да, мне известно, что каджа'мита больше нет, – равнодушно сказала Сильвана. – Переходи к сути, если таковая имеется.

Беседа с гоблином начала привлекать излишнее внимание – в том числе и со стороны Бейна с Саурфангом.

– О да, конечно, конечно же, имеется. Понимаешь ли, – с отрывистым смешком продолжал Галливикс, – все это даже несколько смешно. Вполне возможно, это извержение... могло произойти не из-за Смертокрыла или Катаклизма.

Сильвана слегка приподняла брови. Уж не почудилось ли ей? Он в самом деле хочет сказать, что...

Охваченная совершенно не свойственным мертвым нетерпением, она ждала продолжения.

– Видишь ли... хм-м-м... как бы это лучше выразиться... – Гоблин задумчиво побарабанил пальцами по верхнему из подбородков. – Шахты Кезана были очень глубоки. Должны же мы угождать заказчикам, не так ли? Ведь «Каджа-Кола» превосходна на вкус, значительно повышает интеллект, и...

– Не испытывай мое терпение, гоблин.

– Понял. Итак, вернемся к делу. Закопались мы глубоко-

ко. Очень глубоко. И нашли нечто неожиданное. До сих пор неизвестное вещество. Воистину феноменальное, уникальное вещество! Всего лишь небольшую прожилку, ручеек жидкости, на воздухе тут же затвердевшей и изменившей цвет. Один из моих самых сообразительных шахтеров... э-э... негласно извлек кусочек этого вещества и преподнес мне в знак почтения.

– Иными словами, украл его и принес тебе в качестве подкупа.

– Можно назвать все это и так... но суть не в этом. Суть в следующем: да, этот жуткий Смертокрыл сделал многое, чтоб разбудить вулкан. Шахта такой глубины тоже могла – повторяюсь, могла, ибо окончательной уверенности в этом у меня нет – внести свою лепту.

Сильвана взирала на торгового принца, просто-таки благоговейя перед глубиной его алчности и своекорыстия. Если Галливикс прав, выходит, он с радостью уничтожил и родной остров, и множество невинных... ну, скажем так, сравнительно невинных гоблинов – и все ради кусочка какой-то чудесной руды?

– Я и не знала, что тебе хватит духу на такое, – едва ли не с восхищением сказала она.

Казалось, гоблин был готов поблагодарить ее за похвалу, но в последний момент сдержался.

– Ну, что ж... должен сказать, это весьма особый, необычный минерал.

– И ты, полагаю, держишь его под замком в самом надежном из возможных мест.

Галливикс раскрыл было рот, но тут же сузил глаза и недоверчиво уставился на Натаноса. Глядя на это, Сильвана чуть не рассмеялась.

– Мой защитник Натанос не из болтливых. Почти не разговаривает даже со мной. Любые тайны, которыми ты можешь поделиться со мной, спокойно можно доверить и ему.

– Как скажешь, вождь, – медленно проговорил Галливикс, явно ни в чем не убежденный, однако не видящий иного выхода. – Ты ошибаешься, Темная Госпожа. Я не держу его под замком. Хранится он на самом виду – буквально у всех на глазах.

С этими словами гоблин небрежно сдвинул цилиндр на затылок золотистым набалдашником трости. Сильвана молчала, ожидая ответа, однако, когда молчание начало затягиваться, сдвинула брови. Блеснув заплывшими жиром глазками, гоблин бросил быстрый взгляд на свою трость и снова уставился на Сильвану.

Трость? Сильвана пригляделась к ней пристальнее. Прежде она никогда не обращала на нее особого внимания – как и на все, во что Галливикс одевался, что носил при себе и о чем говорил. Однако сейчас что-то не давало ей покоя... и спустя миг Сильвана поняла, что именно.

– Помнится, набалдашник был красным.

– Был, – согласился гоблин. – А теперь – нет.

Тут Сильване сделалось ясно, что на самом деле этот небольшой, величиной с яблоко, шар – вовсе не из золота. Сделан он был из чего-то другого, наподобие... наподобие...

Наподобие янтаря. Древесной смолы, за многие сотни лет затвердевшей настолько, что из нее можно мастерить украшения. Порой в этой тягучей массе навеки увязали древние насекомые. Вот и это вещество лучилось тем же теплом и выглядело довольно мило. Вот только Сильвана сомневалась, что столь безвредное с виду украшение могло оказаться таким всемогущим, как утверждал Галливикс.

– Дай взглянуть, – велела она.

– С радостью, но – подальше от любопытных глаз. Не могли бы мы отойти туда, где не столь людно?

Наткнувшись на раздраженный взгляд Сильваны, он с небывалой искренностью пояснил:

– Видишь ли, вождь... эту информацию ты пожелаешь сохранить в секрете. Можешь не сомневаться.

Как ни странно, этому Сильвана действительно поверила.

– Если ты преувеличил, то жестоко заплатишься.

– О, знаю, знаю. Знаю и то, что мои новости тебя порадуют.

– Я скоро вернусь, – прошептала Сильвана, склонившись к Натаносу. – И если он солгал...

Чувствуя на себе множество взглядов, она поднялась, жестом велела Галливиксу следовать за собой и отошла в комнату за тронном.

– Ого! Я и не знал о ней, – сказал Галливикс, едва опустив за собой кожаный полог.

В ответ Сильвана лишь требовательно протянула руку. С легким поклоном гоблин подал ей трость, и пальцы Сильваны сомкнулись на ее древке.

Украшена совершенно безвкусно, однако умелым мастером... И что же с того? Игра хитрого гоблина начинала надоедать. Слегка нахмурившись, Сильвана погладила древко трости, накрыла ладонью венчавший ее камень...

...и тихо ахнула от изумления.

Когда-то, скорбя об утраченной жизни, она утешала себя тем, что даровало ей посмертие – всесокрушающим воем банши, а еще свободой от голода, усталости и прочих цепей, сковывающих смертного по рукам и ногам. Но рядом с этим ощущением меркло и то, и другое.

Сильвана чувствовала в себе не просто силу, но настоящее могущество. Казалось, ее пальцы могут сокрушать черепа, а ноги – одним лишь шагом преодолевать целые лиги. Энергия, наполнившая каждый мускул, рвалась с поводка, будто невероятно чуткий и сильный зверь. Голову переполнили не просто обычные хитроумные расчеты, но блестящие, пугающе гениальные, воистину новые творческие мысли.

От темной повелительницы – и даже королевы – не осталось и следа. Превратившись в богиню, в богиню разрушения и созидания, Сильвана была потрясена: она и подумать не могла, что эти две противоположности так тесно перепле-

тены друг с другом. Армии, города, целые культуры – все это она отныне могла создавать...

И повергать в прах. Первым падет Штурмград, и его народ вольется в ряды ее народа.

Теперь она могла сеять смерть в таком масштабе, что...

Сильвана разжала пальцы, словно золотистый шар обжигал огнем.

– Это... вещество изменит все, – проговорила она. Голос дрожал. Пришлось призвать на помощь обычное ледяное спокойствие. – Отчего ты доселе не воспользовался им сам?

– Видишь ли, вождь: в жидком состоянии оно было золотым и просто чудесным. Затвердев – покраснело и стало красивым, но совершенно обычным. Оставалось только надеяться, что когда-нибудь мне удастся отыскать еще. И вдруг, в один прекрасный день... бубум! Набалдашник трости снова стал золотым и чудесным. Кто бы мог подумать...

Между тем Сильване настало время возвращаться за стол. Несомненно, среди прочих правителей уже начались разговоры, и задерживаться дальше, предоставляя им новую пищу для размышлений, не стоило.

Едва войдя следом за нею в зал, гоблин заговорил:

– Возможности ты можешь оценить.

Прозвучало это так, словно речь шла о чем-то абсолютно будничном, прозаическом, а вовсе не о том, что потрясло Сильвану Ветрокрылую до глубины души, позволив ей испробовать на вкус могущество, до сего дня просто немисли-

мое.

– Да, – твердо, невзирая на внутренний трепет, сказала Сильвана. – Как только пир кончится, мы поговорим подробнее. Это неплохо послужит Орде...

«Орде, и больше никому».

– Альянс об этом ничего не знает? – спросила Сильвана.

– Не беспокойся, вождь, – отвечал гоблин, вновь ставший самим собой – прежним развязным комком жира. – Об этом мои люди позаботятся.

Глава четвертая

Штурмград

Андуин велел советникам собраться в зале с огромной рельефной картой. Когда он вошел, его приветствовали кивками: юный монарх давным-давно приказал обходиться без поклонов.

Конечно же, в зале присутствовали Седогрив и Шоу, а также пророк Велен, древний правитель дренеев, наставник Андуина на пути к Свету. Пожалуй, именно он потерял в последней войне больше всех остальных. Генна война лишила сына и наследника, Андуина – отца, Вариана Ринна, однако Велен стал свидетелем не только гибели сына, но и всего своего мира, в буквальном смысле этого слова.

«И все же он, – подумал Андуин, глядя на старца с бледно-лиловым лицом, – несмотря на все свое горе, держится безмятежнее любого из нас».

Присутствовала на совете и небесный адмирал Кэтрин Роджерс, внушавшая Андуину примерно те же чувства, что и глава разведки Шоу. Обоих молодой король уважал и с обоими чувствовал себя неугодно. Роджерс, на его вкус, слишком уж жаждала крови Орды. В последнем задании они с Седогривом переусердствовали настолько, что Андуин был вынужден сделать обоим выговор. Однако такие «ястребы»,

как Роджерс, были нужны Альянсу во время войны, а что до Матиаса – он тоже по-своему берег покой мирных жителей.

– День был нелегок, – сказал Андуин, – но тем, к кому мы обращались с речами, сегодня еще тяжелее. Тем не менее война окончена, Легион побежден, и мы можем хоронить погибших, зная, что завтрашний день не пополнит ряды павших в боях. Чему я искренне рад. Однако все это не значит, что мы прекратим прилагать все силы к тому, чтобы сделать наш мир лучше. Теперь вместо истребления врагов мы должны исцелить раны и восстановить силы своего народа – и своего мира, тоже получившего страшную рану. К тому же нам нужно сберечь и изучить драгоценный ресурс, только сегодня попавший в поле моего зрения. Таким образом, перед нами – новый набор задач.

Все это время Андуин чувствовал золотисто-голубой камешек, тихо, уютно угнездившийся в кармане. Не зная о нем почти ничего, король был уверен в одном: в этом камешке не было зла, хотя его, безусловно, можно было обратить и к дурному. Ну что ж, обратить к дурному можно все, что угодно – даже наару...

Андуин вынул из кармана свернутый носовой платок.

– Сегодня утром глава ШРУ, мастер Шоу, доложил мне о том, что обнаружил в Силитусе. И это не только огромные трещины в земле, расходящиеся от пронзившего мир меча Саргераса. В этих трещинах найдено доселе неизвестное вещество. Вещество... просто уникальное. Впрочем, тут легче

показать, чем объяснить.

Андуин подал платок Велену, и тот отреагировал точно так же, как и он сам. Дреней изумленно ахнул и словно бы разом сбросил с плеч груз долгих лет – десятков лет страданий. Как ни глубоко было потрясение, испытанное самим Андуином, со стороны воздействие неизвестного материала казалось еще удивительнее.

– Вначале я подумал, что это частица наару, – выдохнул Велен. – Нет, это не так, но ощущение... схожее.

Наару были милосердными, великодушными существами, состоящими из чистой энергии. Ближе них к Свету не стоял никто. Когда Андуин учился у дрениев на борту «Экзодара», ему часто доводилось проводить время в обществе наару по имени О'рос. Это прекрасное, доброе создание тоже погибло во время войны, и Андуин вспоминал о тех временах не без боли. Пожалуй, Велен был прав: присутствие этого существа действительно будило в душе очень похожие чувства.

– Хотя, – добавил Велен, – он может принести не только великую пользу, но и великий вред.

От Велена камешек перешел к Седогриву. Казалось, он был ошеломлен, совершенно сбит с толку, точно разом утратил некую непоколебимую, глубокую веру. Морщины вокруг его глаз углубились. Нахмутив брови, Генн сунул янтарно-желтый камешек Шоу.

– Согласен, – хрипло сказал он, обращаясь и к королю, и

к главе разведки. – Я думал, вы, возможно, преувеличиваете, но ошибался. Эта штука очень могущественна... и очень опасна.

Шоу отмахнулся от камешка, словно не желал лишний раз брать его в руки. Это было достойно уважения. Камешек взяла Роджерс – и, пошатнувшись от неожиданности, поспешила ухватиться за край огромного стола с картой. Минуту она не могла оторвать от кругляша на ладони восхищенного взгляда, затем на ее лице отразилась ярость пополам с надеждой.

– Он только один, или есть еще?

В ответ Шоу изложил Велену с Роджерс сокращенную версию того, что недавно рассказывал Генну и Андуйну. Внимательно выслушав его, Роджерс сказала:

– Если удастся найти способ использовать это... мы сможем сокрушить Орду.

– Страшно подумать, что будет, попади такое в руки Сильваны, – без околичностей заявил Генн.

«Ну неужели нам обязательно сводить все к кровопролитию?» – с раздражением подумал Андуйн.

– Я, – заговорил он вслух, отвечая на первый вопрос Роджерс, – отдал главе разведслужбы мастеру Шоу распоряжение добыть побольше этого вещества и изучить его. Чем создавать более эффективные методы убийства... полагаю, мы сможем распорядиться им много лучше.

– Сильвана так не подумала бы, а потому и мы не должны.

Блеснув голубыми глазами, Андуин устремил взгляд на Седогрива.

– По-моему, подумав именно так, мы окажемся лучше нее.

Генн раскрыл было рот, чтобы возразить, но Андуин вскинул ладонь, призывая его к молчанию.

– Но я ни за что не оставлю Альянс беззащитным, – продолжал он. – Имея достаточно информации, мы сможем направить усилия на решение нескольких задач.

Расправив плечи, он оглядел карту Азерота, простершуюся перед ним на столе. Теперь этот мир стал для него особенно дорог. Скользя по карте, взгляд короля остановился на землях ближайших союзников Штурмграда, дворфов, и их столице – Стальгорне.

– В одиночку люди не устояли бы против Легиона, – напомнил Андуин собравшимся. – С нами шли в бой дренеи и пандарены, примкнувшие к Альянсу. С нами шел в бой и твой народ, Генн – воргены и беженцы-люди. Встав против страшного врага плечом к плечу с отцом, а затем со мной, они вполне заслужили место в Альянсе. С нами шли в бой и дворфы с гномами.

– Шли, хоть и не совсем «плечом к плечу», – заметил Генн.

По-видимому, от более мягких чувств грубоватому королю Гилнеаса становилось как-то неудобно. Упрямство и ярость шли ему гораздо лучше благодарности и доброты. Вот

и Вариан многие годы был таким же...

– Может, и так, – с легкой улыбкой сказал Андуин.

Шутка была из тех, над которыми сами дворфы хохотали бы во всю глотку. Андуину тут же представилось, как их бывший король, Магни Бронзобород, отвечает чем-нибудь вроде:

– Не бойсь, парень: надо будет – укоротим тебя малость.

– Однако они всегда держали нашу сторону – твердо и непоколебимо, как скала.

На миг Андуина с головой накрыла теплая волна симпатии к этому сильному, несговорчивому народу – к тем, кто наставил его на путь жречества и обучал основам воинского мастерства.

– А это вещество нужно доставить в Лигу исследователей. Возможно, они сумеют увидеть в нем что-либо упущенное нами. К тому же, они рассеяны по всему миру. Множество лишних глаз и ушей для тебя, Шоу.

Шоу согласно кивнул.

– Еще нам могут помочь ночные эльфы, – продолжал Андуин. – Возможно, столь древней расе, как они, доводилось сталкиваться с чем-то подобным в прошлом. Они тоже потеряли в этой войне многих и многих, и, полагаю, будут рады предложению взаимной помощи и поддержки. А также дреinei... – Андуин коснулся плеча своего старого друга Велена. – Вы потеряли в этой войне столько, что нам и не оценить. И, как ты сказал, этот... материал наводит на мысли о

наару. Возможно, между ними имеется некая связь.

На наш зов пришли все. Теперь же их ветеранам пришлось вернуться к полям, слишком долго не знавшим заботы, и к угрожающе иссякшим амбарам. Мы помним, что случилось после битвы за Нордскол. Когда ресурсы истощены, любая искра недовольства может разжечь пожар войны – даже меж расами, еще вчера бившимися заодно. Так давайте же позаботимся о том, чтоб ни один из наших союзников не пожалел об оказанной Штурмграду помощи.

Собравшиеся обменялись взглядами и согласно кивнули.

– Я собираюсь посетить земли наших верных друзей, – сообщил Андуйн. – Лично поблагодарить их за принесенные жертвы, предложить посильную помощь в скорейшем восстановлении экономики и заручиться их помощью.

Он заранее ждал от Седогрива возражений, и старик его не разочаровал.

– Твой народ – здесь, в Штурмграде, – без всякой надобности напомнил Генн королю. – И ты нужен народу здесь. По крайней мере, Гилнеас в твоём королевском визите уж точно не нуждается.

Да, так оно и было. И сейчас, и в прошлом. Когда-то, по приказанию самого Седогрива, Гилнеас прервал все контакты с землями, лежавшими за пределами его массивных каменных стен. Королевство Седогрива не пришло на помощь тем, кто нуждался в ней, что породило общий гнев и неприязнь к гилнеасцам – по крайней мере, поначалу, когда они

были вынуждены прекратить свое добровольное заточение. Но ныне от некогда великого королевства не осталось ничего, кроме руин, теней и скорби.

– Помнится, ты был зол на меня и в тот раз, когда я отправился на Расколотые острова, чтобы взглянуть на место гибели отца, – мягко ответил Андуин.

– Конечно! А как же? – парировал Седогрив. – Ты ведь оставил Штормград, никому ничего не сказав. И даже не назначив преемника. Которого, кстати, не назначил и до сих пор. Что бы случилось, если бы ты погиб?

– Ведь не погиб же, – возразил Андуин. – И мой отъезд вполне оправдался. Генн, – несколько мягче продолжал он, – тогда ты говорил, что мне нет надобности видеть это место. Однако надобность была. Для меня место геройской гибели отца стало священной землей. Там я нашел Шаламейн – точнее, там Шаламейн нашел меня. Там я...

Тут Андуин осекся. Рассказывать о пережитом кому бы то ни было – даже Велену, пророку, который, несомненно, понял бы все – он был еще не готов.

– Там я действительно принял на себя бремя царствования, – откашлявшись, продолжал он. – Там я обрел способность привести Альянс к нелегкой победе. Да, я нужен народу Штормграда. Но жителям Стальгорна и Дарнаса я нужен не меньше. Сейчас мы воспользуемся миром, чтоб заложить фундамент единства и процветания, и, может быть, благодаря этому войны когда-нибудь останутся только в учебниках

истории.

Да, цель эта была благородной, но, скорее всего, недостижимой. Очевидно, большинство собравшихся у стола именно так и полагали. Однако Андуин был полон решимости попробовать.

«Старушка Эмма»... Так называли ее почти все штормградцы. Эмма не возражала: в конце концов, она и вправду была немолода, а в этом прозвище обыкновенно чувствовалось дружелюбие. Однако имелось у нее и настоящее имя – Фелстоун, и прошлое, как и у всех остальных. Когда-то и она любила и была любима, а если начала порой забываться, задумавшись о прошлом, так что ж с того? Ведь в прошлом осталась вся ее жизнь.

Во-первых – муж, Джем, погибший в Первой Войне. Но в войнах гибнут многие, не так ли? Их помнят и чтят, в их честь устраивают церемонии и говорят речи наподобие той, что недавно сказал этот милый мальчик-король.

Андуин Ринн был так похож на ее собственных славных мальчишек... Трое их было: малыш Джем, названный в честь отца, Джек, названный в честь дядюшки Джона, и Джейк. Все они тоже погибли на войне, как и сестра Эммы, Дженис. Вот только та война была, пожалуй, похуже нынешней, только что завершённой. Ведь сыновья-то погибли в войне, затеянной Артасом Менетилом против живых. Они были воинами Лордерона, стражами самого короля Теренаса, и пали

вместе с королем и его королевством.

Но им никто не отдавал почестей, не славил их имен и не считал их героями. Они были превращены в бездумных чудовищ – в нежить. И пребывали в этом жутком состоянии до сих пор, либо были мертвы, либо пополнили ряды Отрекшихся под властью Королевы Банши.

Одним словом, какая бы участь ни постигла ее славных сыновей, для Эммы они были потеряны, а в мире живых поминали этикие ужасы разве что шепотом.

Пондобнее перехватив дужку ведра, Эмма сосредоточилась на деле – ей нужно было натаскать воды из колодца. Воспоминания о Джеме, Джеке и Джейке никогда не доводили до добра. Такие будили мысли и чувства, что...

Еще крепче стиснув дужку ведра, Эмма двинулась к колодцу. «Заботься о нуждах живых, – велела она себе. – Живых. А не мертвых».

Не говоря уж о нежити...

Глава пятая

Штурмград

– Я слышал, сегодня Ваше Величество проявили исключительное красноречие.

Андуин устало улыбнулся старому слуге. Он вполне мог бы подготовиться ко сну и сам, но Уилл Бентон заботился о нем с самого детства и был бы глубоко обижен, откажись Андуин от его услуг.

– У принцев и королей так много забот, – сказал он однажды, когда Андуин впервые попробовал облегчить его службу. – К чему им вдобавок самим подрезать фитили свечей или аккуратно развешивать одежду?

Уилл был высок и грузен, однако Андуин замечал, что в последнее время старый слуга похудел. За его мягкими и даже бесстрастными манерами крылась непоколебимая воля и беззаветная преданность дому Риннов. «Так много перемен, и чаще всего не к лучшему, – подумал Андуин, – но, по крайней мере, Уилл остается прежним».

– Если я и в самом деле был красноречив, – ответил король, – то только потому, что с нуждающимися в утешении моими устами говорил сам Свет.

– Ваше Величество недооценивает себя. Словом вы владеете с детства.

Сняв с Андуина пояс, Уилл благоговейно повесил Страхолон на крюк над королевской кроватью. Этот крюк старый слуга вбил в стену сам – там, куда Андуин мог дотянуться в любую минуту.

– На всякий случай, – сказал он.

В тот день принц Андуин на это только вздохнул, покоряясь судьбе, но теперь молчаливая забота Уилла – не просто слуги, но давнего друга – приятно согревала сердце.

– Ты слишком добр ко мне, – сказал Андуин.

– Ох, сир, – вздохнул Уилл, – вы ведь прекрасно знаете: за мной такого никогда не водилось.

Воспрянув духом, Андуин сжал губы, чтобы сдержать улыбку. Ну, как же тут не подразнить старого слугу?

– Думаю, ты будешь рад слышать, что вскоре мы снова отправимся в Стальгорн, – сказал он. – Или нет?

– Отчего же нет, Ваше Величество? Жар и грохот огромной кузни, не останавливающейся ни на минуту – что может быть лучше для хорошего отдыха? К тому же, в Стальгорне никогда не случается ничего дурного. Уж там-то никто не превращается в алмазную статую, никого не заваливает обломками, никого не берут в заложники. Оттуда никому не приходится бежать ради спасения жизни, – едва ли не с сарказмом отвечал старый слуга.

Незадолго до того, как Катаклизм навсегда изменил лик Азерота, Уиллу уже доводилось сопровождать Андуина в Стальгорн. Во время этого богатого событиями путешествия

и произошло все, только что перечисленное слугой, причем в двух случаях – с самим Андуином.

Сказанные в шутку – настолько, насколько Уилл вообще был способен шутить, – эти слова вновь опечалили юного короля. Правда, на этот раз печаль была иной, а причина ее – много старше, но, даже приглушенная временем, боль давала о себе знать до сих пор. Повесив на место мантию, Уилл оглянулся на умолкшего короля.

– Прошу простить меня, Ваше Величество, – глухим от раскаянья голосом сказал он. – Я не хотел напоминать вам об этом горе.

– О Каз Модане, – проговорил Андуин.

Случившееся в Дун Морог землетрясение, отголоски которого докатились до самого Стальгорна, послужило первым указанием на то, что несчастному миру грозят серьезные беды. На помощь спасателям в Дун Морог отправился и Андуин. В те дни он еще не встал на путь жречества, однако умел перевязывать раны и отчаянно хотел помочь. Во время череды подземных толчков погибла Эйрин Крепкорук, юная дворфийская девушка, назначенная ему в наставницы.

Впервые в жизни Андуину довелось видеть смерть сверстника. К тому же, если быть до конца откровенным, ясноглазая, бойкая воительница внушала ему нечто большее, чем просто дружеские чувства...

– Все в порядке, – заверил он Уилла. – Теперь там гораздо лучше. Магни пробудился от своего... э-э... единения с зем-

лей, со мной все прекрасно, а Три Молота работают заодно, как хорошо смазанный гномий механизм.

Магни Бронзобород, в то время – король Стальгорна, принял участие в ритуале, который должен был «сделать его единым целым с землей». Все полагали, ритуал поможет понять, что причиняет страдания миру, но, как оказалось, его название следовало понимать отнюдь не метафорически. Магни превратился в алмазную статую. Осажденный город охватила глубокая скорбь. Хвала Свету, вскоре выяснилось, что Магни не погиб... но сильно изменился. Недавно Андуину сообщили, что теперь бывший король способен говорить с самой Азерот и от ее лица, а где и как его искать, неизвестно: он странствует по свету и в случае надобности объявляется сам.

Удастся ли когда-нибудь увидеть Магни снова? Хотелось бы надеяться...

– Неважно, сир, – сказал Уилл. – Конечно же, я поеду с вами.

Еще бы он не поехал! Насколько Андуину было известно, своей семьи у верного слуги не имелось, а роду Риннов он служил почти всю жизнь. Заботы Уилла Андуину не требовались: он вполне мог бы сам вешать на место одежду и снимать сапоги, но с возрастом Уилл утрачивал силы, а Андуин знал, что старому слуге хочется чувствовать себя нужным. Уиллом король дорожил не за то, что он делал, но за то, кем он был.

– Я буду рад твоей компании, – ничуть не кривя душой, сказал Андуин. – Но на сегодня у нас все. Спокойной ночи, Уилл.

– Спокойной ночи, Ваше Величество, – с поклоном ответил старик.

Андуин проводил Уилла взглядом, с любовью улыбнулся ему вслед, а когда дверь тихонько затворилась, вновь повернулся к туалетному столику. Там, рядом с двумя вещами, значившими для Андуина очень и очень многое, лежал янтарно-желтый камешек, завернутый в носовой платок. Одной из двух других вещей была резная шкатулочка с обручальным и венчальным кольцами королевы Тиффин, другой же – компас, когда-то подаренный Андуином отцу.

На миг взгляд короля задержался на белой ткани платка, однако рука потянулась к компасу – тому самому, отысканному и возвращенному Андуину одним искателем приключений, который немало помог безутешному юному королю сделать первый шаг к утолению печали.

Открыв потертый компас, он взглянул на портрет мальчика внутри. Детские пухлые щеки, нежное лицо... После всего, увиденного и пережитого в последние несколько месяцев, даже не верилось, что он, Андуин, вправду когда-то был таким маленьким, каким изобразил его художник.

Компас. Прибор, указующий верный путь.

Внутренний компас – безошибочно верный, надежный, неодолимый – провел Андуина сквозь битвы с Пылающим

Легионом. Следующий шаг на его пути тоже был предельно ясен. Теперь ему предстояло встретиться с союзниками, помочь им в оказании помощи их народам, продемонстрировать, сколь высоко он ценит их дружбу. Попросить их помочь изучить этот необычный минерал и уберечь его от злых рук. А после...

Прикрыв глаза, Андуйн зашептал молитву:

– О, Свет, ты ниспослал мне прекрасных советников и верных слуг, до сих пор помогавших мне править, как подобает. Я верю: в нужное время ты подскажешь и следующий шаг. Я всегда стремился только к миру, и вот какой-никакой мир настал. А этот материал... он может помочь укрепить мир, да так, как нам пока что даже не вообразить. Не оставь же меня на полдороги, помоги править, как подобает, и дальше.

Осторожно отложив компас, Андуйн задул одинокую свечу, оставленную Уиллом на тумбочке у кровати, и уснул – крепко, без сновидений.

Наутро Андуйн снова созвал советников на менее официальную встречу в приемной возле его личных покоев. Сколько же вечеров провел он здесь, за ужином наедине с отцом! До сих пор с трудом верилось, что теперь эта приемная принадлежит ему.

– Я едва не забыл, что мы на пороге лета, – сказал Седогрив, потянувшись за спелым, ароматным персиком.

Кроме персиков, к завтраку подали булочки с янтарными желудями, стромгардский сыр, яйца, приправленные зеленью, ветчину, бекон, свежие солнцеплоды и выпечку, а также молоко, кофе, чай и соки на любой вкус.

Воргены Седогрива могли добывать пропитание охотой, как ни один другой народ Альянса, и прокормиться тем, что не годилось в пищу больше никому. Во многих отношениях воргены были сильнее всех прочих и лучше всего годились для войны, ведь старая поговорка, гласившая, что «армия марширует, пока полон желудок» абсолютно верна. Однако вкуса к первым летним фруктам король Гилнеаса не утратил, даже сделавшись воргеном.

По-видимому, почти все собравшиеся выпались не хуже юного короля. «Возможно, таков эффект камня?» – подумал Андуин.

После недолгого обмена любезностями и похвалами в адрес угощения король направил беседу в деловое русло.

– Генн, – заговорил он, накладывая себе вторую порцию яиц, – я бы хотел попросить тебя присмотреть за королевством в мое отсутствие. Ты знаешь, что значит править, и я не думаю, что кто-либо способен справиться с этим делом лучше тебя. И не тревожься, – с улыбкой добавил он. – Обещаю: на этот раз до отъезда оформим все официально.

Генн медленно отложил вилку.

– Это большая честь для меня, Ваше Величество, – ответил он. – Я послужу Штормграду так же, как служил двум

его королям. Но я уже стар. На случай беды с тобой неплохо бы подыскать преемника помоложе.

Андуин мысленно вздохнул. Тема наследования престола поднималась уже далеко не в первый раз. Пока что он, как и прежде, предпочел ее игнорировать, но ничуть не сомневался: до отъезда в Стальгорн Седогрив вновь заведет этот разговор еще хотя бы раз – невзирая даже на то, что Андуин высказался на сей счет предельно ясно. Он не собирался жениться на той, кого не любит.

– Рад, что ты согласен, – сказал он, словно бы не заметив второго вопроса и поспешив обратиться к Велену, прежде чем Генн успеет продолжить разговор о наследниках. – Пророк, надеюсь, ты отправишься со мной и в Стальгорн, и за море? Я не забыл о дренеях, что до сих пор стерегут «Экзодар», и очень хотел бы увидеться с ними и поблагодарить их.

Белобородый дрений был заметно растроган.

– Для меня честь сопровождать тебя, король, – склонив голову, сказал он. – Твой визит будет многое значить для моего народа.

– Он многое значит и для меня самого, – отвечал Андуин, намазывая масло на тост.

«Масло, – подумал он. – Ведь я всю жизнь принимал его, как должное, в то время как у многих не было ни куска хлеба...»

– Что может Штормград предложить дренеям, дабы показать, сколь высоко мы ценим их помощь в войне против об-

щего врага?

– Уже одно то, что ты спрашиваешь об этом после всего, что претерпел сам, несомненно, согреет их сердца.

Юный король отложил нож и повернулся к старому другу.

– Ты знаешь о терпении гораздо больше любого из нас, – тихо сказал он. – И о страдании, и об утратах.

Лиам Седогрив был не единственным сыном, погибшим на глазах любящего отца. Но, как ни горька была подобная утрата, народ Велена пострадал куда сильнее. Их любимая родина, Аргус, не только была захвачена разложившимися эредарами, но целые эпохи терпела немыслимые муки от рук падшего титана Саргераса. Сама душа их измученного мира обратилась против всех и каждого – даже против тех, кто нес ей свободу и желал только добра. До сих пор не в силах спокойно вспоминать об этом, Андуйн молил Свет уберечь свой собственный мир, свой прекрасный Азерот, родину множества чудесных и разнообразных форм жизни, от подобной судьбы.

Лицо Велена обмякло, затуманилось печалью, которой не утолить вовеки, но в его голосе прозвучала искренняя сердечная теплота.

– Именно многие знания о тьме Вселенной и обращают нас к добру, свету и истине. Повторю вновь: одно твое появление в лиловых залах нашего города принесет нам утешение, какого тебе сейчас и не вообразить.

«Что ж, спорить с дренеем ни к чему», – с улыбкой поду-

мал Андуин.

– Как пожелаешь, старый друг. Но все же попрошу тебя подумать, не можем ли мы прихватить с собой и чего-либо более осязаемого.

Лицо древнего существа озарилось вечно юной улыбкой.

– Посмотрим, что мне удастся придумать.

– Хорошо. Но самое срочное: что взять с собой в Стальгорн? Ведь это первый из городов, которые я собираюсь посетить. Какому подарку дворфы могут быть рады больше всего?

На миг за столом задумчиво наморщили лбы... но тут же все до единого, не исключая и великого пророка Велена, громко расхохотались.

Глава шестая

Танарис

Выйдя из ветхой хижины в ленивую, идущую на убыль предвечернюю жару, Гриззек Пеногон улыбнулся знакомому шуму морского прибоя и шелесту пальм, покрутил длинным носом, раздул ноздри, расправил узкую грудь и глубоко вдохнул соленый воздух.

– Еще один прекрасный денек – и весь мой!

С этими словами он не спеша потянулся, хрустнул шеей и пальцами, заготовал от радостного предвкушения и с разбегу нырнул в волны.

Когда-то он был простым, самым обычным гоблином. Как все остальные, жил в тесных, не слишком гигиеничных трущобах да бараках, обдывая всякие сомнительные делишки для всяких еще более сомнительных типов. Да, для Кезана и такое было неплохо, но когда этот остров... ну, скажем так, взорвался, что островам, как правило, несвойственно, и беженцы из Картеля Трюмных Вод устремились в Азшару, все изменилось.

Прежде всего, Азшара ему не понравилась. Для его летнего духа она оказалась слишком осенней: сплошь красной, рыжей да бурой. А ему нравилось синее небо, синее море, ярко-желтый песок и мерное, покойное колыхание пышных

зеленых пальм. А уж потом, когда по местным землям, придавая им вид вовсе непотребный, двинулись крошшеры, он невзлюбил Азшару пуще прежнего. Пустая трата времени и денег (что, в сущности, одно и то же) на превращение части Азшары в символ Орды показалась Гриззеку подлейшим подхалимством, какое он когда-либо видел – а повидал он немало.

А взять хоть другие расы Орды? Они же абсолютно ничего не смыслили в менталитете гоблинов! От одного вида «дохляков», как Гриззек про себя называл Отрекшихся, мурашки бежали по коже, а радовала их, судя по всему, только возня с ядами. Орки считали себя лучше всех остальных – ну как же, «Истинная Орда» и прочий дешевый вздор. Таурены были влюблены в землю настолько, что любая разумная личность рядом с ними чувствовала себя неудобно. Тролли со своими лоа нагоняли такой жути, что гляди в штаны не навали. А пандарены просто держались как-то уж слишком... любезно. Встречал он одного-двух из эльфов крови, с которыми вполне можно было выпить пивка, но раса в целом – сплошь красавцы, любят красоту, а гоблины и вся их культура от красоты, определенно, далеки.

Но самым худшим в присоединении к Орде было кое-что другое, а именно – Джастор Галливикс, благодаря сему союзу превратившийся из простого гнусного и скользкого торгового принца в могущественного гнусного и скользкого лидера, ни много ни мало, целой фракции Орды. И вот в один

прекрасный день Гриззек внезапно, будто какой-то выключатель в голове щелкнул, понял: с него довольно.

Тогда собрал он все свое имущество – и все лабораторные причиндалы, и книги, куда годами скрупулезно заносил результаты экспериментов, и небольшой склад, набитый всяческими припасами – и перебрался сюда, на пустынный берег Танариса.

Работая в одиночку под палящим солнцем, вскоре придавшим его бледной зеленовато-желтой коже густой, насыщенный травянисто-зеленый оттенок, он выстроил себе маленькое скромное жилище и не такую уж маленькую, не очень-то скромную лабораторию. Солнце и одиночество действовали на Гриззeka самым благотворным образом. Проснувшись на исходе дня, он купался в море, завтракал, а прохладные вечерние и ночные часы посвящал работе. С годами его владения обросли затейливой системой обороны из роботов, сирен, свистков и прочих охранных устройств.

Самым любимым из этих охранных устройств был робот-попугай, без затей названный Пернатым, служивший Гриззеку чем-то вроде компаньона. Несколько раз в день Пернатый вылетал на разведку, высматривая механическими глазами, не появилось ли поблизости чего-либо необычного, а в случае беды немедленно предупреждал Гриззeka. Ну, а дальше... в зависимости от природы незваных гостей, их либо неприветливо заворачивали восвосяси, либо встречали выстрелом из гоблинского драконьего ружья второй модели,

которое Гриззек всегда держал наготове.

Одним словом, жизнь была прекрасна, и Гриззек за это время сделал множество прекрасных вещей. Ну, может, «прекрасных» – слово не слишком-то подходящее: его вещицы предназначались для того, чтоб впечатляюще разнести вдребезги что потребуется, или освободить его от забот о приготовлении еды, о стирке... да от любых забот, кроме изобретения новых механизмов и взрывных устройств.

Внезапное появление Пернатого во время спокойного морского купания брюхом кверху могло означать только одно: вполне возможно, вся эта прекрасная жизнь вот-вот пойдет прахом.

– Тревога! Проникновение с западного входа! – громко проскрежетал попугай.

Выслушивая доклад Пернатого, Гриззек недовольно поморщился, но, когда дело дошло до одного-единственного имени, вздрогнул, разом открыл глаза, затейливо выругался и поплыл к берегу.

Спустя недолгое время мокрый и облаченный лишь в полотенце Гриззек остановился у главных ворот.

– Торговый принц, – сказал он. – А я думал, у нас уговор. Ты оставляешь себе все мои изобретения, а я уйду из картеля со всем необходимым, плюс со спокойной душой.

Торговый принц Джастор Галливикс – по обыкновению пышно и безвкусно разодетый, с выпирающим на целых два

шага вперед брюхом – только улыбнулся. Он прихватил с собой десяток костоломов, включая и своего главного головореза, мускулистого здоровяка Друза.

– Привет, Друз, – добавил Гриззек.

– Йо, Гриззек, – откликнулся тот.

– Так-то ты встречаешь старого друга? – загремел Галливикс.

На это Гриззек ответил лишь равнодушным взглядом.

– Традиции гоблинского этикета требуют пригласить торгового принца в дом!

– На самом деле, нет, – отрезал Гриззек. – Ничего подобного они не требуют, и на этикет мне всю жизнь было плевать.

Друз, прислонившись к воротам, чистил ножом ногти. Получить рану ножом, измазанным тем, что может оказаться у Друза под ногтями... об этом страшно было и подумать.

Улыбка Галливикса даже не дрогнула.

– Дюжина очень сильных гоблинов – многие, кстати, держат тебя на прицеле – уж точно требует пригласить торгового принца в дом.

Гриззек поник головой и тяжело вздохнул.

– Окей, окей. О чем разговор? – спросил он, не утруждая язык титулом главы фракции.

– Ну, а как ты думаешь?

– О творческом самовыражении, обмене идеями и крепком сне по ночам? – предположил Гриззек.

– Конечно, нет! Разговор о бизнесе. О, скажем так, золотых перспективах, – ответил Галливикс, приподняв трость.

Гриззек машинально взглянул на шар набалдашника. Сколько же раз он видел его, этот ярко-красный...

Тут он озадаченно моргнул.

– Он золотой, – сказал он.

– Да, не из золота, но золотой.

– Это что, вроде как каламбур?

Улыбка Галливикса слегка потускнела, а Гриззек втайне обрадовался тому, что смог уязвить торгового принца хоть чем-нибудь.

– Да, – подтвердил Галливикс. – Это каламбур.

– Помнится, раньше он был красным.

Галливикс сдвинул брови и раздраженно встряхнул подбородками.

– Да. Был. Украшение прежнее, цвет другой. Ну же, Гриззи, хоть это-то должно тебя заинтриговать?!

Будь проклят этот гоблин! Гриззек и вправду был заинтригован. Любопытство, как всегда, взяло верх. Вдобавок, и припасы не помешало бы пополнить...

«Ох, пожалею я об этом», – подумал он, открывая ворота, чтобы впустить Галливикса.

– Только ты, – сказал он ему, когда Друз сделал шаг за хозяином. – Кресло у меня всего одно.

– Окей, я постою, – откликнулся Друз.

Крохотная кухня едва могла вместить трех гоблинов, и

кресло внутри, действительно, имелось только одно. Пока Галливикс с огромным трудом втискивался в него, Гриззек надел штаны и льняную рубашку и принялся выслушивать рассказ о шахтерах, далеко углубившихся в недра Кезана, о найденной ими великолепной золотой жиле, которая тут же иссякла, и о том, как энергия этого вещества со временем сошла на нет, отчего оно из янтарно-желтого сделалось красным, как капля человеческой крови.

Вначале он не сводил глаз с торгового принца, но по мере того, как история становилась все более и более фантастичной, начал все чаще поглядывать на трость.

– И тут, – продолжал Галливикс, – появляется этот гигантский, титанический меч, воткнутый глубоко в Силитус. Земля идет трещинами, и – на тебе: великое множество жил этого вещества! Текут, будто сказочные медовые реки. Конечно, я – и только я – догадался, что это, и сразу же взялся за дело. В эту минуту целая куча наших парней занимается его добычей и приглядывает, чтобы оно не попало, к кому не следует.

– Знаешь, торговый принц, не верится мне, будто эта штука так уж чудесна, как ты думаешь.

С этими словами Гриззек бросил вопросительный взгляд на Друза. Как ни странно, с главой наемных головорезов Галливикса они всегда неплохо ладили. В ответ Друз только пожал широченными плечами.

Мерзкая улыбка Галливикса сделалась шире прежнего, в

заплывших жиром глазках появился масляный блеск.

– Не всякому верь, запирай крепче дверь!

Гриззек заморгал.

– Что бы это значило?

– Просто к слову пришлось, да и звучит неплохо. Послушай, договоримся так: возьми трость, потрогай набалдашник и посмотри, что произойдет. И если не захочешь работать с этой штукой, так и скажи. За волосы тянуть не стану.

– Я лыс.

– Фигура речи.

– Окей, но как насчет еще одного уговора? Если тебе нужна моя помощь, то я и только я решаю, что как делать и что куда применить.

Это торговому принцу явно пришлось не по душе. Улыбка Галливикса застыла, словно он случайно перешел дорогу разгневанному магу льда.

– Ну, знаешь... ты все же не единственный инженер на свете.

– Это точно. Однако ты не стал бы разыскивать меня после столь долгого времени, если бы не нуждался в моей помощи.

– Ох, Гриззек, – со вздохом сказал Галливикс, – ты слишком умен. Не доведет это до добра.

Гриззек молча скрестил руки на груди.

– Ладно, ладно, – с неохотой согласился правитель гоблинов. – Но учти: получишь только небольшой процент!

– Почасовую ставку и прочие льготы обговорим после то-

го, как я приму решение.

Галливикс снова приподнял трость. Схватив ее, Гриззек сжал в кулаке набалдашник.

Внезапно все вокруг обрело необычайную резкость. Цвета сделались ярче, очертания – отчетливее. Теперь Гриззек мог различить всю гамму шума прибоя, едва ли не чувствовал, как воздух вибрирует от птичьих трелей.

А мысли...

Мысли понеслись вскачь, без оглядки, анализируя и высчитывая, какова процентная доля площади ладони, находящаяся в контакте с шаром, в какой мере контакту могут препятствовать мозоли или разом выступивший на коже пот, к чему это вещество можно применить...

Будто обжегшись Гриззек отдернул руку от набалдашника. Ощущения были просто великолепными. Даже чересчур.

– Ну и ну, – пробормотал он.

– Вот видишь?

Все тело инженера тряслось мелкой дрожью, сердце бешено билось в груди, пальцы дрожали. Он знал, что у него блестящий ум. Он знал, что он – гений. Потому-то Галливикс и разыскал его. И правильно сделал, потому что с этим веществом можно создавать такое...

– Э-э... Окей. Берусь. Проведу эксперименты, сконструирую несколько прототипов...

В глазах Галливикса мелькнула хищная радость.

– Я так и думал, что ты согласишься.

– На названных условиях, – твердо сказал Гриззек. – Полная самостоятельность.

Да, он не сумел сдержаться и уже выдал себя, но кое-что еще вполне можно было спасти. Поначалу он просто был слишком изумлен, но уж теперь-то пришел в себя и скроил самую равнодушную мину.

– Тебе до смерти хочется поработать с этим материалом, и ты сам прекрасно это знаешь.

Гриззек пожал плечами в попытке сымитировать полное равнодушие Друза.

– Уф, ладно, ладно, – пропыхтел Галливикс. – Но я приставлю к тебе своих ребят.

– Давай, приставляй, – отмахнулся Гриззек. Он знал, что далеко от этого вещества все равно не уйдет. – Но для начала я составлю список необходимого. И первым номером в нем будет значиться образец этого...

Он кивнул на набалдашник трости.

– Этого у тебя будет сколько угодно. При условии, что от тебя регулярно будут поступать сделанные с его помощью новинки.

– Конечно, конечно. И еще... – Ох, как Гриззеку не хотелось об этом говорить! – И еще одно. Для этой работы потребуется мой бывший партнер по исследованиям.

– Безусловно, безусловно! – Заполучив желаемое, Галливикс сделался необычайно щедр. – Назови только имя, доставим незамедлительно.

И Гриззек назвал ему имя.

Казалось, Галливикс вот-вот лопнет от ярости, но четверть часа спустя он сдался и уступил.

Со смесью облегчения и неохоты затворив за ним дверь хижины, Гриззек – на всякий случай – протер кресло, в котором сидел Галливикс, и плюхнулся в него сам.

Возможно, все это было лучшим решением в его жизни... а, может быть, самым худшим.

Пожалуй, скорее – последнее.

Глава седьмая

Стальгорн

Исполнив все королевские обязанности, Андуин, согласно протоколу, прибыл к массивным воротам Стальгорна, а далее последовал долгий официальный ужин. Здесь следовало соблюдать осторожность. Дворфы любили поесть и выпить, а Андуин, хоть и превосходил их в величине, прекрасно знал: начав пить наравне даже с самым щедрым из дворфов, он вскоре окажется под столом.

Мойра Тауриссан, дочь Магни Бронзоборода, а в браке – правительница клана Черного Железа, была одной из Трех Молотов, управлявших Стальгорном. Любимому большинством дворфов пиву она предпочитала вино и позаботилась о том, чтобы приехавшему с визитом королю подали лучшее из стальгорнских красных. За ужином ели тушеную кабанину и жаренные в меду овощи, макая в подливку свежий черный хлеб, а на десерт на столе появилась целая гора пирожных.

Андуину хотелось встретиться с Тремя Молотами сразу же после ужина, но ему ответили, что переваривание такого обильного угощения требует времени. Если только речь не идет о жизни и смерти, вначале полагалось выкурить трубку, выпить бренди или отдать должное новой порции десерта.

Оценив реакцию Андуина на все три варианта, Мойра предложила для пищеварения часок прогуляться в окрестностях Стальгорна, и Андуин с радостью согласился. Он пригласил присоединиться к ним и дреinea, но Велен отказался.

– Уверен, вам многое нужно обсудить, – сказал он. – А я останусь здесь, побеседую с Мурадином и Фалстадом.

Мурадин, средний из трех братьев Бронзобородов, представлял в Совете Трех Молотов свой клан (младший из прославленных братьев, Бранн, основал Лигу исследователей и слишком любил странствовать, чтобы подолгу оставаться в Стальгорне). Фалстад Громовой Молот, третий из Молотов, глава славного клана Громового Молота, отсалютовал дреeneю пивной кружкой.

– Трубка, бренди или десерт? – сыронизировал Андуин.

– Пожалуй, десерт, – ответил Велен. – Как самое безобидное.

– Тогда моя доля в твоём распоряжении. Если я съем еще хоть кусочек, то, чего доброго, лопну.

– Если ты не против, к нам присоединится кое-кто еще, – сказала Мойра, когда оба поднялись из-за стола.

– Конечно, как тебе будет угодно.

Королева тихо сказала что-то одному из стражников. Тот кивнул, удалился и через несколько минут вернулся с маленьким дворфом. Кожа мальчика имела необычный, однако приятно теплый серый оттенок, его большие глаза были зеле-

ными, без малейших намеков на красный огонек, свойственный дворфам Черного Железа, а волосы – белыми. Андуин сразу же понял, кто это такой – то был внук Магни Бронзоборода, сын Мойры и наследник престола принц Дагран.

– Я знаю, что мы уже встречались с вами, Ваше Величество, но встречи, боюсь, не помню, – учтиво, с легким местным акцентом сказал юный принц.

Сколько же ему лет? Шесть, семь? Андуину вспомнилось, как и его обучали правилам этикета и поведению, приличествующему сыну короля, когда он был еще младше, чем этот парнишка.

– Я был бы удивлен, если б вы помнили. Давайте считать, что это – наша первая встреча.

Склонившись вперед, Андуин торжественно подал мальчику руку, и тот с серьезным видом ответил на рукопожатие.

– Рад, что вы сочли возможным присоединиться к нашей прогулке. Итак... какое же место в Стальгорне вам нравится больше всего?

У мальчика загорелись глаза.

– Зал Исследователей!

– И мне тоже, – ответил Андуин, с радостью взглянув на Мойру. – Идемте!

Как только они доберутся до зала и налюбуются всем, что внутри, он попросит Мойру позвать Фалстада, Мурадина и Велена, а затем раскроет им вторую причину своего визита в Стальгорн.

Без спешки шествуя вперед в сопровождении человеческих и дворфских стражей, державшихся на почтительном отдалении, однако в любой момент готовых прийти на помощь, Андуин предавался ностальгическим воспоминаниям. По пути мимо Великой Кузни, в честь которой древний город получил свое имя, его обдало упругой волной жара. Отчетливый запах раскаленного металла перенес короля на несколько лет назад, во времена прошлого визита.

– Как давно я здесь не был, – сказал он Мойре.

– Да, это так, – ответила та, не сводя зеленых глаз с сына. – Годы летят быстрее, чем мы думаем.

– Как хорошо, что Три Молота приехали в Штормград почтить отца, – сказал Андуин, взглянув на мальчика (тот явно изо всех сил сдерживался, чтоб не помчаться к Залу Исследователей бегом, оставив мать и короля людей позади). – Особенно после его попытки убить тебя, когда я был здесь в последний раз.

– Ох, – хмыкнула Мойра, – ты же знаешь: это мы с ним простили друг другу давным-давно. А к тому времени, как он погиб, прониклись друг к другу глубоким уважением. Твой отец был зол на меня, за то, что я держала тебя здесь. Волновался за тебя... Вот Дагран растет и, как это ни странно, становится для меня дороже день ото дня. И если бы Вариан Ринн похитил моего малыша... – на лице Мойры мелькнула гримаса ярости, – ...я бы разорвала его голыми руками, как бы он ни был огромен.

– Верю, – совершенно искренне сказал Андуин. – Дворфы – превосходные воины, это уж наверняка.

– Он гордился тобой, – тихо сказала Мойра. – Гордился, хоть и не понимал. Не думай, король, будто он полюбил тебя только в последние годы.

– Да, я это знаю. И, пожалуйста, зови меня просто Андуином. Здесь для меня дружба привычнее формальностей. Помнится, когда я приехал в Стальгорн впервые, твой отец попросил называть его дядей Магни, а Эйрин звала меня Маленьким Львом.

– Эйрин?

– Первая из женщин, принятая в стражу твоего отца. Тебе бы она понравилась. Она пыталась учить меня биться мечом и щитом, пока не погибла в Караносе.

– О-о, – задумчиво протянула Мойра, взглядываясь в его лицо. – Первая из погибших друзей... Прости.

Однако печаль тут же исчезла с ее лица.

– Но, насколько я слышала, ее уроки не прошли даром. Конечно, до отца тебе далеко, но тут стыдиться нечего, ведь теперь ты владеешь мечом гораздо лучше прежнего.

– Да, – криво улыбнулся Андуин. – То-то, наверное, все удивились.

– Ну, разве что самую малость.

Андуин хмыкнул.

– Но до отца мне действительно далеко. Таким, как он, мне не стать никогда. И никому другому – тоже.

«Я не смогу стать таким же героем, как ты, – сказал он в тот день, встав на колени там, где погиб отец. – И таким же, как ты, королем».

Решившись довериться Мойре, он повернулся к ней.

– Но вот что я тебе скажу. До встречи с Эйрин я терпеть не мог упражнений с тяжелым оружием. Избегал их, как только мог, каких только причин ни придумывал! Но после ее гибели начал тренироваться всерьез, не уваливая. Очень захотел стать если и не превосходным, то хотя бы хорошим бойцом. Свет благословил меня другими талантами. Я верю, что он придет мне на помощь, даже если в моих руках вовсе не будет оружия. Но Эйрин обещала воспитать во мне «дворфский характер», и так и сделала.

Услышав это, Мойра от души расхохоталась.

– В жизни не слышала лучшего выражения! «Дворфский характер», а? Ну что ж, Андуин Ринн, ты – превосходный представитель человеческой расы. Я горда тем, что к твоему возмужанию приложил руку и мой народ.

– Благодарю! Столь крепкая дружба с дворфами – со всеми дворфами – это большая честь... – Тут Андуин слегка осекся. – Ведь все дворфы теперь заодно и прекрасно ладят друг с другом, не так ли?

– Мы – дворфы, – пожав плечами, ответила Мойра. – Бывает, повздорим. Бывает, вслед за словами в воздух летят пивные кружки. Однако последнее случается заметно реже, если кружки полны. Мы очень благодарны за твой дар.

– Я решил, что он может вам пригодиться.

Несколькими часами раньше, в момент официального прибытия Андуина в Стальгорн, его встречали у ворот Три Молота и почетный караул. Первый его визит в качестве правящего короля дворфы восприняли с радостью, и Андуин знал, что ему рады искренне. Но когда следом за ним в город въехали десять фургонов с подарком Штормграда и с первого из них сдернули защитное покрывало, все вокруг зазвенело от грома аплодисментов и криков «ура».

Конечно же, подарком был ячмень – ключевой ингредиент, быть может, самого популярного на свете стальгорнского товара.

– Считаю это посильным вкладом Штормграда в дело сохранения мира и дружбы в Стальгорне, – сказал Андуин.

– Как только покончишь с путешествиями, возвращайся скорее, и мы поднимем за тебя тост из первой партии, – пообещала Мойра. – Я слышала, наши пивовары собираются назвать этот эль «Андуиновым Янтарным».

Андуин расхохотался во весь голос, а вслед за ним засмеялась и Мойра.

– Я и не припомню, когда смеялся так в последний раз, – признался он. – Это же просто... замечательно!

– Уж это точно. Возвращаясь к вопросу, с которого мы перешли на крайне важную тему пива: да, Молоты сумели объединить всех.

– А... как твой отец?

– Отец... Ну что ж, теперь он – алмазный король, и только Свету известно, где странствует день ото дня... Хочешь посмотреть, где он стоял до пробуждения?

– Да, я был бы рад.

Дагран замедлил шаг. Впереди, в проемах арок Зала Исследователей, виднелись знакомые очертания крылатого скелета. Жадно, с нетерпением взглянув в его сторону, мальчик сказал:

– Только обещайте, что мы вернемся к птерадону!

Единения с землей Магни достиг в Старом Стальгорне, в глубоком подземелье под Высоким Троном. Казалось, спускаясь вниз, Андуин чувствует, как давит на плечи, как нарастает многотонная тяжесть земли и камня над головой. Дворфы, конечно же, шли в глубину, не испытывая ни малейшей тревоги.

Андуин знал, что возвышение, где Магни превратился в алмаз, окажется пустым. Прекрасно знал. И все же, увидев его своими глазами, был потрясен до глубины души.

Он был здесь в тот день, когда король Магни Бронзобород исполнил древний ритуал единения с землей, и теперь замер перед возвышением, не в силах вымолвить ни слова. Опередив мать и соседнего правителя, Дагран ловко проскользнул между обломками прозрачного голубоватого кристалла, некогда заключавшего в себе алмазного короля, и поднялся наверх. Здесь он прошел прямо к свитку, надежно защищен-

ному стеклом, и начал читать вслух. Спина Андуина покрылась мурашками: звонкий дискант внука Магни вновь выговаривал те же слова, что когда-то на этом же самом месте читал советник Белграм:

– Знайте же, как и зачем вновь стать единым с горой! Зрите: мы – земельники, из земли вышедшие, и душа ее – наша душа, и боль ее – наша боль, и пульс ее бьется в наших сердцах. Мы поем ее песнь и скорбим о ее красоте, ибо кто не желал бы вернуться домой, туда, где рожден? Вот и ответ «зачем», о дети земли!

Дагран отвел взгляд от свитка.

– Дальше продолжать?

– Нет, милый, – ответила Мойра.

Андуин наклонился и поднял один из осколков.

– Как страшно было это видеть, – тихо сказал он, повертев осколок алмаза в руках. – Все произошло так быстро и бесповоротно. Я думал, он погиб.

– Ничего удивительного, – откликнулась Мойра. – Так думали даже мы, дворфы.

– Должно быть, его пробуждение вызвало невероятное потрясение.

– Эта фраза, – сказала Мойра, – не отражает истины даже приблизительно. Могу сказать одно: хорошо, что сердца дворфов почти так же крепки, как камень.

– Я так рад... Не только за себя и нашу с ним дружбу, но и за тебя. Было время, я тоже думал, что нам с отцом никогда

не стать настоящей семьей, однако – стали ведь.

Мойра ненадолго умолкла. Ее смысленый, начитанный сын увлекся еще одним старинным томом; взгляд его легко скользил по древним строкам. Заговорив, Мойра понизила голос:

– Я хочу этого не столько для себя, сколько ради сына, – сказала она. – Нам многое нужно исправить, Андуйн. Многое переделать по-новому. Но он сказал, что хочет попробовать.

– А ты? – тихо, чтоб не услышал мальчик, спросил Андуйн.

– А я думаю, что добрые отношения с существом, говорящим с самой Азерот, сослужат хорошую службу и моему народу, и сыну.

Она изо всех сил старалась говорить легко и беспечно, однако из этого ничего не вышло.

– Но как же ты сама?

Мойра вновь сделала паузу, а едва собралась ответить, сзади раздался крик:

– Ваше Высочество, Ваше Величество, идемте скорей!

То был один из стражников, как всегда, несших караул у Высокого Трона. Он весь раскраснелся и запыхался от быстрого бега.

– В чем дело? – спросила Мойра.

– Ваш отец! Он здесь! И ему нужно видеть вас обоих прямо сейчас!

Глава восьмая

Стальгорн

Магни Бронзобород ждал в Зале Исследователей. Когда-то Андуйн собственными глазами наблюдал, как король дворфов в муках обращается в сверкающий алмаз, и был не в силах хоть чем-то помешать этому, а потому полагал, что готов к встрече с пробудившимся Магни.

Но не тут-то было.

Магни стоял под скелетом птерадона, повернувшись спиной ко входу, и увлеченно беседовал с Веленом и старшим исследователем Мунином Магелласом. Рядом, озабоченно хмуря густые брови и внимательно вслушиваясь в разговор, стояли Фалстад с Мурадином.

Пригласили сюда и главного механика Гелбина Меггакрута, белобородого лидера гномов. За его внешней бодростью и жизнелюбием скрывалась спокойная глубокая мудрость. Встречу с ним Андуйн планировал провести на следующий день. В войне с Легионом гномы оказались просто бесценными союзниками, и ему непременно хотелось лично поблагодарить не самых высоких физически, но, вероятно, величайших в интеллектуальном смысле членов Альянса. Присутствие советника главного механика, капитана Ступа Искража, сурового воина с черной повязкой на глазу – свиде-

тельством многих лет боевого опыта, – указывало на то, что Магни явился в Стальгорн не просто с дипломатическим визитом.

Сверкающая фигура повернулась к Андуину, и это зрелище поразило юного короля, точно удар в живот. Каменным статуям не положено двигаться с такой грацией, а алмазным бородам – развеиваться при этом в воздухе! Теперь Магни не был ни дворфом, как прежде, ни статуей, в которую превратил его ритуал. Он был и тем и другим, и в то же время – ни тем, ни другим, и это невероятное сочетание поразило Андуина до глубины души. Однако секунду спустя Магни заговорил, и разом нахлынувшая радость заставила юного короля забыть обо всем остальном.

– Андуин! Как же ты вырос!

Под действием ностальгии и неумолимого приближения взрослой жизни эта фраза, так ненавидимая всеми детьми на свете, совершенно преобразилась. Она была настолько обыкновенной, настолько натуральной, что все иллюзии «потустороннего» треснули и разлетелись вдребезги – точно так же, как алмазная тюрьма Магни. Голос Магни тоже был теплым, живым и, несомненно, его собственным. «Может, если коснуться шагающего навстречу существа, его алмазное тело тоже окажется теплым?» – подумал Андуин. Но тело алмазного дворфа было так густо усеяно шипами и острыми гранями, что о крепких рукопожатиях и сокрушительных объятиях в обычной, прежней манере Магни не могло быть и

речи.

Знают ли Мойра и Дагран, как обойти это препятствие? Склонен ли Магни к тем знакам внимания, на которые был так щедр в прошлой жизни, в жизни создания из плоти и крови? Хотелось бы надеяться – ради них всех...

Тем временем Мойра попросила Белграма присмотреть за Даграном, но мальчик запротестовал: ему хотелось повидаться с дедом.

– Посмотрим, – сказала Мойра, и лицо ее сделалось... пожалуй, не то, чтобы ожесточенным, но озабоченным.

– Магни, – сказал Андуин. – Как я рад тебя видеть!

– И я рад видеть вас с дочерью, – отвечал Магни, повернув каменное лицо к Мойре. – Смею надеяться, что смогу повидаться с внуком, как только покончу с делами. Вот только, как это ни грустно, не в гости я сюда пришел.

Конечно же, не в гости! Теперь Магни говорил от лица самой Азерот, а это такой колоссальный священный долг... Андуин покосился на дренея. Велен не отличался слезливой сентиментальностью. Он легко улыбался и не стеснялся смеяться. Однако сейчас старый пророк был мрачнее тучи. В эту минуту глубокие, словно бы высеченные на древнем лице морщины, напоминавшие о великом множестве пережитой им боли, сделались глубже прежнего.

Магни окинул Мойру, Андуина и Велена серьезным взглядом.

– Я разыскал вас не потому, что все вы – правители наро-

дов, но оттого, что вы – жрецы.

Мойра и Андуин удивленно переглянулись. Конечно, Андуин знал, что оба они принадлежат к жречеству, но прежде об этом как-то не задумывался.

– Ей ужасно больно, – продолжал Магни. Его алмазное, казалось бы, такое твердое лицо с неожиданной легкостью сморщилось от сострадания.

Неужели ритуал, так изменивший Магни, действительно позволяет ему чувствовать боль Азерот? Андуину тут же вспомнилось уничтожение Силитуса, невообразимой величины меч над землей... Да, если последняя попытка Саргераса уничтожить Азерот близка к успеху, это просто ужасно!

– Ей нужно исцеление, а исцелять – дело жрецов. Она прямо сказала: все должны прийти ей на помощь, иначе все погибнут.

Велен с Мойрой взглянули друг на друга.

– Я полагаю, слова твоего отца верны, – сказал дрений. – Если мы – все, кто только может – не возьмемся за исцеление раненого мира, то, безусловно, погибнем. Об этом нужно сообщить другим.

– Согласна, – ответила Мойра. – К тому же, и юноше пора познакомиться с остальными.

Тут они, как один, повернулись к Андуину. Тот озадаченно наморщил лоб:

– С остальными... с кем?

– С остальными жрецами, – пояснила Мойра. – С группой

жрецов, с которой сотрудничаем мы с пророком. Тебе следовало бы познакомиться с ними давным-давно.

Тут Андуин понял, о чем речь.

– А-а, Конклав! Из Храма света Пустоты.

Одно это название успокаивало душу, едва ли не вопреки истории храма – темнице Сараки, павшего наару, обратившегося к Пустоте, расположенной в самом сердце Круговерти Пустоты. Многие эпохи дреanei изучали это существо, но способ очистить его отыскивали только недавно. Вновь сделавшись самим собой, наару по имени Саа'ра остался в храме. Бывшая темница стала прибежищем и ему, и всем остальным.

Андуин слышал о противостоянии, что развернулось в первые дни вторжения Легиона, и знал, что многие из обитающих в священных стенах, подобно Саа'ра, пали во тьму, но были возвращены к Свету. Эти-то жрецы, известные как Конклав, и обратились к другим жреческим орденам Азерота с призывом объединиться в борьбе против Легиона. Теперь эта опасность миновала, но Конклав продолжал существовать, предлагая помощь и милосердие всем, ищущим Света.

Во время войны они странствовали по всему Азероту, вербуя жрецов для заботы о тех, кто дрался с Легионом в первых рядах, и теперь продолжали ухаживать за храбрыми воинами, исцеляя пострадавшие тела, умы и души. Война оставила за собой множество шрамов – и видимых, и незри-

МЫХ.

– Все, что сделал и продолжает делать Конклав, чрезвычайно важно, – сказал Андуин. – Жаль, мне не довелось помочь ему во время войны.

– Дорогой мой мальчик, – возразил Велен, – ты все это время был именно там, где нужно. У каждого своя борьба и свой путь. Мой – судьба сына. Путь Мойры – преодоление предрассудков и защита тех, кто поверил в нее – дворфов Темного Железа. Ну а тебе предстояло сменить на троне великого короля и править народом, любившим тебя с самого рождения. Все сожаления пора оставить позади. Им не место в Храме света Пустоты. Его покои полны только надежды и решимости следовать туда, куда ведет нас Свет, дабы нести его в обители тьмы, что так нуждаются в его благословении.

– Пророк, как обычно, прав на все сто, – сказала Мойра. – И я, признаться, рада, что наконец-то смогу побывать там с тобой. Хоть нас и ведет туда великая беда, я знаю: ты непременно найдешь там утешение для души. Иначе и быть не может.

В словах Мойры чувствовалась уверенность той, что нашла там подобное утешение для себя. Но тут Андуин вспомнил о странном материале в кармане. Поначалу он собирался показать его Трем Молотам после приятной прогулки, но в эту минуту понял, что лучше всего этот камень мог бы опознать Магни, достигший единства с землей.

– Да, мы отправимся в храм, но не сразу. Благодарю за

важные вести, Магни. А еще... мне нужно кое-что тебе показать. И всем вам – тоже.

После этого он вкратце рассказал собравшимся все, что знал о похожем на янтарь веществе, и только во время рассказа оценил скудость своих знаний.

– Одним словом, известно нам очень мало, – заключил он, – но я уверен, что ты сможешь рассказать о нем много больше.

С этими словами он вынул из кармана платок и развернул его. Камешек замерцал, заискрился янтарем и синью.

На глазах Магни выступили алмазные слезы.

– Азерит, – выдохнул он.

Азерит... Значит, название у него все же есть.

– Что это? – спросила Мойра.

– Ох, – негромко, с тоской вздохнул Магни. – Я говорил, что Азерот ранена. Теперь ты можешь убедиться в этом сама. Это... ее частица. Ее... э-э, трудно словами описать. Думаю, вернее всего сказать: это ее кровь. И она все течет и течет вверх.

– Разве она не в силах исцелить себя? – спросил Мегга-крут.

– Да, до некоторых пределов, – ответил Магни. – Ты же не забыл Катаклизм, верно? Но та скверная штука, что вонзил в нее этот ублюдок...

Магни скорбно покачал головой, будто тот, кто вот-вот потеряет любимую, и Андуин ни на миг не усомнился, что

для него это так и есть.

– Она старается, старается изо всех сил, но на этот раз все ее добрые и благородные стремления обречены на провал. На этот раз Азерот не справиться самой. Вот почему она молит о помощи нас!

Теперь все сделалось ясно. До боли, до жути ясно.

Андуин передал крохотный образчик азерита Мойре. Подобно всем остальным, она вытаращила глаза, удивляясь нахлынувшим чувствам.

– Мы слышали твои слова, – сказал король людей Магни, глядя в глубину его алмазных глаз. – Мы сделаем все, что сможем. Но, кроме этого, нам нужно быть уверенными, что этот... азерит... не попал и не попадет в руки Орды.

Азеритовый камешек перешел к Мурадину. Тот просиял.

– Будь этого в достатке – можно одолеть целый город!

– Будь этого в достатке, и мы сможем сокрушить Орду! – подхватил Фалстад.

– Войны сейчас нет, – напомнил Андуин, принимая от них кусочек азерита. – Сейчас перед нами двойная задача, и она предельно ясна. Нам нужно исцелить Азерот и позаботиться о том, чтоб это вещество не досталось Орде.

Он повернулся к Меггакруту.

– Если кто-то и в силах понять, как наилучшим образом применить это... эту кровь мира на благое дело, то только твой народ. Магни сказал, что Азерот исторгает все больше и больше этого вещества. Мы доставим тебе образцы, как

только добудем их.

Гелбин кивнул.

– Ими займутся мои лучшие умы. Похоже, я знаю, кто нам нужен.

– А я поговорю с прочими членами Лиги Исследователей об отправке экспедиции в Силитус, – добавил Магеллас.

– Великолепно, – сказал Магни, скорбно качая головой, и обратился к Андуйну: – Знаю, парень, знаю, тебя это не на шутку потрясло. Ступайте, ступайте! Ступайте к своим жрецам и дайте им знать: наш мир, целый мир, умирает. – Голос его дрогнул. Прочистив горло, Магни расправил плечи. – Ну, вот и все. Мое дело сделано. Пойду.

– Отец, – заговорила Мойра, сделав глубокий вдох. – Если только... если Азерот не призывает тебя двигаться дальше, я попросила бы: останься ненадолго. Один малец уже давно докучает мне просьбами повидаться с тобой.

ХРАМ СВЕТА ПУСТОТЫ

Пройдя сквозь портал, Андуйн оказался в таком чудесном, таком прекрасном, таком исполненном Света месте, что его сердце едва не разорвалось от нахлынувшей радости.

Проведя немало времени на борту «Экзодара», он привык к успокаивающему лиловому свету и ощущению мира, царящего вокруг. Но здесь... в общем и целом суть была той же, что и на «Экзодаре», только с иным оттенком.

Казалось бы, огромные резные изваяния дрениев, нависавшие над посетителями, должны выглядеть угрожающе. Но нет, наоборот – от статуй явственно веяло мирной благосклонной силой. По обе стороны дорожки, ведущей от портала вниз, мелодично журчала вода, а над водой, будто порожденные ее тихим плеском, парили в воздухе искорки света.

Словно впервые в жизни расправив легкие во всю ширь, Андуин вдохнул свежий и чистый воздух. В глубине храма, в конце длинной пологой дорожки, виднелась группа людей. Андуин тут же понял, кто это – или, скорее, что они олицетворяют, – и его сердце затрепетало от радостного предвкушения.

Велен, как много раз за последние годы, опустил руку на плечо короля и улыбнулся.

– Да, – сказал он, отвечая на невысказанный вопрос Андуина, – все они здесь.

– Но я думал, что, говоря о жрецах, ты имел в виду...

– Таких же жрецов, как мы, – закончила за него Мойра, широким жестом указав на окружившую их пеструю толпу.

В толпе Андуин различил не только людей, гномов, дворфов, дрениев и воргенов – то есть, тех, кто мог бы чувствовать себя как дома в штормградском Соборе Света, но и ночных эльфов, поклонявшихся лунной богине Элуне, и тауренов, последователей солнечного бога Ан’ше, и даже...

– Отрекшиеся, – прошептал он, чувствуя, как спина и

предплечья покрываются гусиной кожей.

Одна из Отрекшихся, повернувшись к ним согбенной спиной, вполне дружелюбно беседовала с дренеем и дворфом. Компания, неторопливо направлявшаяся к одному из альковов со стопками древних книг в руках, состояла из Отрекшегося, ночной эльфийки и воргена.

Слова застряли в горле. Андуин замер, не в силах ответить от Отрекшихся глаз, не смея даже моргнуть из опасения, что все это окажется сном. В Азероте встреча этих существ кончилась бы убийством, или, по меньшей мере, взаимными подозрениями, ненавистью и страхом. А тут... До его ушей донесся громкий, мелодичный смех ночной эльфийки.

Велен был совершенно спокоен, но Мойра встревоженно взглянула на юного короля.

– Что с тобой, Андуин?

– Ничего особенного, – хрипло ответил Андуин, покачав головой. – Сказать откровенно, мне еще никогда не бывало так хорошо. Это... все это... – Он улыбнулся и вновь покачал головой. – Ведь именно это я мечтал увидеть всю жизнь!

– Мы, прежде всего, жрецы, – слышалось сзади.

Голос был мужским и звучал сердечно и жизнерадостно... разве что обладал несколько странным – гулким, замогильным тембром. Оборачиваясь, Андуин не сомневался, что увидит перед собой жреца Света человеческой расы.

И обнаружил, что стоит лицом к лицу с Отрекшимся.

С детства обученный сдерживать чувства, Андуин от ду-

ши надеялся, что и на сей раз сумел сохранить невозмутимый вид, но внутренне был просто поражен.

– Очевидно, да, – с невольным изумлением в голосе сказал он. – И я этому очень рад.

– Ваше Величество, – вмешался Велен, – позвольте представить вам архиепископа Алонсия Фаола.

Глаза Отрекшегося вспыхнули зловещим желтым огоньком. Нет, в них никак не могло быть улыбки, словно в живых, однако они улыбались!

– Не смущайтесь тем, что не узнали меня, – сказал архиепископ, подняв костлявую руку и проведя ладонью по подбородку. – Понимаю: на собственные портреты я совсем не похож. Как видите, лишился бороды... и здорово похудел вдобавок.

Определенно, в его неживых глазах искрилась улыбка!

Андуин оставил попытки держаться, как надлежит королю. «Мы, прежде всего, жрецы», – сказал этот неуспокоенный... Воспользовавшись возможностью хотя бы на время сложить с плеч груз королевской власти, Андуин облегченно вздохнул, улыбнулся и поклонился.

– Вы – сама история, сэр, – с восторгом сказал он архиепископу. – Вы основали орден паладинов Серебряной Длани. Первым вашим учеником был сам Утер Светоносный. Если бы не ваши доблестные усилия, Штормград вполне мог бы не уцелеть до наших дней. Знакомство с вами для меня не просто великая честь. Для меня вы были... для меня вы –

величайший герой!

Андуин был совершенно искренен. Когда-то он прочел все толстые тома, повествующие о добром и милосердном, чем-то похожем на Дедушку Зиму жреце, от корки до корки. Слова на страницах тех книг складывались в образ человека веселого, всегда готового посмеяться, однако негиббемого, стойкого, как каменный утес. Даже историки, обычно довольствующиеся простым изложением сухих фактов, становились многословны и красноречивы, как только дело доходило до сердечности и доброты Фаола. На портретах его изображали невысоким, крепким человеком с пышной белой бородой. Отрекшийся, стоявший перед королем Штурмграда, действительно, был ниже среднего роста, но в остальном на те портреты не походил ничуть. Борода исчезла. Сбрита? Или сгнила? Волосы были темны от запекшейся крови и засохшего гноя. Пахло от него, точно от старого пергамента – чем-то пыльным, но не неприятным. Фаол погиб, когда Андуин был еще маленьким, и встретиться с ним при жизни мальчику так и не довелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.